

1.2. АСТРОНОМЫ И АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОТ 1843 ПО 1879 ГОД

проф. Г. В. Левицкий
1895 г.

Настоящий очерк служит продолжением подобного же очерка, помещенного нами в Записках Харьковского Университета за 1893 г., книга 3-я. Как и прежде, для составления очерка мы пользовались, главным образом, официальными документами архива университета. Лишь немногие, не заключающиеся в этих документах, но необходимые для ясности изложения, сведения почерпнуты нами из других, также достоверных источников, указанных в своем месте в тексте нашей статьи. Характером имевшегося в нашем распоряжении материала (а также отчасти и назначением статьи, как было нами указано в предисловии к предыдущему очерку), объясняется отрывочность и, может быть, некоторая неполнота и настоящего очерка. Этот последний страдает указанными недостатками в гораздо большей степени, чем предыдущий, по следующим причинам. Во первых, к началу 50-х годов постепенно уменьшается число и, в особенности, подробность тех официальных бумаг, которые в таком изобилии писались и так тщательно сохранялись в первые 30 – 40 лет существования нашего университета. В середине 60 годов размеры официальной переписки сокращаются почти до современной нам нормы. Сообразно с меньшею подробностью источников уменьшалось, конечно, и количество подробностей нашего очерка. Во 2-х, некоторые дела, преимущественно касающиеся как предположенных только, так и осуществившихся построек обсерваторий, несмотря на многократные поиски, найти нам все-таки не удалось, почему приходилось ограничиваться лишь теми упоминаниями об этих постройках, которые встречались о них в других делах или в печатных сочинениях харьковских астрономов.

По-прежнему, мы не делали, для краткости, ссылок на документы в тексте статьи, а ограничились приведением списка этих документов.

ГЛАВА I-я

А. П. Шидловский. Пребывание в Дерпте и в Пулковской обсерватории. Участие в ученых экспедициях. Переход в Харьков. Командировка в Киев. Постройка временной обсерватории и проекты устройства постоянной обсерватории Харьковского университета.

Четвертый по счету от основания Харьковского университета профессор астрономии в нем Андрей Петрович Шидловский родился 17 ноября 1818 года в Воронежской губернии. Отец Шидловского принадлежал к местному дворянству и владел родовым поместьем со 100 крепостными. В 1837 г. Шидловский окончил курс со степенью кандидата математического факультета в Харьковском университете. Как упомянуто в предыдущем очерке нашем (Астрономы и астрономическая обсерватория Харьковского университета от 1808 по 1842 г.), Шидловский еще студентом особенно интересовался астрономией и занимался ею с большим успехом. Затем, с 1837 по 1841 г., Шидловский слушал лекции в Дерптском университете, где и выдержал экзамен на степень магистра в 1841 году. В Дерпте Шидловский написал, а также и защищал диссертацию на степень магистра философии под заглавием: *Bestimmung der Konstante der Nutation aus den graden Aufsteigungen von α Ursae minoris* (Dorpat 1841).

Судя по официальному письму В. Струве (к попечителю Харьковского университета Кокоскину от 14 января 1849 г.), Шидловский был в Дерпте одним из лучших учеников этого знаменитого ученого. В письме этом, говоря о необходимости произвести в 1849 г. некоторые важные астрономо-геодезические измерения, для выполнения которых не могли

быть командированы Пулковские астрономы, занятые в то время другими работами, Струве прибавляет: «Je me vois dans la nécessité de réclamer le secours des autres institutions scientifiques de notre patrie pour l'achèvement définitif de notre grand travail (градусного измерения). *Mon attention se dirige tout de suite sur le professeur Schidloffsky de Kharkow, mon ancien élève*» [Я вижу необходимость попросить помощи других научных организаций нашей родины для окончания нашей большой работы. Особое внимание и благодарность выражаю харьковскому преподавателю Шидловскому, моему бывшему ученику. – пер. ред.]. Но учеником В. Струве Шидловский был не только в Дерпте. В 1843 году была окончена постройка Пулковской обсерватории, куда и переселился весной того же года В. Струве, назначенный директором этого ученого учреждения. А в 1841 году, конечно, с согласия и при содействии В. Струве, Шидловский также переселяется в Пулково, где и остается до назначения его исполняющим дела экстраординарного профессора в Харькове в 1843 г.

Между 1840 и 1843 годами Шидловский имел счастье принимать участие в нескольких научных предприятиях первостепенной важности. С июня по декабрь 1846 года работал он в Финляндии, под руководством Вольдштета, при производстве астрономо-геодезических работ по русско-скандинавскому градусному измерению. Измерения в Финляндии представляли суровую школу для молодых астрономов. Местные условия крайне затрудняли и замедляли работу, которую приходилось иногда производить в местности, чрезвычайно болотистой, покрытой густым лесом и почти необитаемой.

В 1842 г. в России видно было весьма любопытное для астрономов полное солнечное затмение. Между прочими, отправленными для наблюдения этого явления, экспедициями, одна отправлена была академией наук в Липецк и членами ее были О. В. Струве и А. П. Шидловский.

В следующем же 1843 году Шидловский был участником другой, еще более важной ученой экспедиции, – именно хронометрической экспедиции для определения разности долгот обсерваторий в Пулкове и Альтоне. Определение разностей долгот, до изобретения хронометров в середине 18-го столетия, составляло одну из труднейших задач практической астрономии, почему, даже и в начале текущего столетия, долготы многих важных пунктов земного шара известны были лишь с грубым приближением. Хотя изобретение хронометров значительно облегчило задачу определения долгот, однако долготы, найденные с небольшим числом хронометров и при продолжительных при том переездах, не удовлетворяли уже быстро возраставшим с начала текущего столетия требованиям точности подобных определений. Поэтому стали прибегать к тщательному изучению ходов хронометров и значительному увеличению их числа при хронометрических экспедициях для определения долгот важнейших пунктов.

Замечательнейшая из подобных больших хронометрических экспедиций, как по количеству употребленных хронометров и точности полученных результатов, так и по тщательному исследованию и устранению возможных поводов к погрешностям, есть, без сомнения, вышеупомянутая экспедиция, произведенная под руководством В. Струве, для определения разности долгот обсерваторий в Пулкове и Альтоне. Заведующими экспедицией при переездах были Саблер и О. Струве, а их помощники: Петерс, Фусс, Савич, Вольдштед, Шидловский, Ляпунов и датские астрономы: Петерсен и Негус. Все эти лица, в том числе и Шидловский, принимали деятельное участие в работах экспедиции. Шидловский вынужден был, впрочем, уехать в середине экспедиции в Харьков, куда он был назначен исполняющим дела экстраординарного профессора.

Научная деятельность Шидловского в 1841 – 43 гг. не ограничивалась только участием в вышепоименованных экспедициях. В течение тех же годов Шидловский принимал участие и в астрономических наблюдениях Пулковской обсерватории.

Мы не имеем сведений о том, почему и как именно получил Шидловский место преподавателя в Харьковском университете. Весьма вероятно, что Шидловского привлекала близость места его родины от Харькова, почему он и ходатайствовал о назначении его в наш университет на место умершего Шагина. В. Струве содействовал получению Шидловским этого места, отрекомендовав его министру народного просвещения князю Ширинскому-Шахматову. При этом Струве, с согласия министра, поручил Шидловскому доставить в Харьковский университет те инструменты, которые были заказаны для предполагавшейся к постройке астрономической обсерватории Харьковского университета.

В середине сентября 1843 года Шидловский прочел свою вступительную лекцию в Харьковском университете. Представленный Шидловским и утвержденный факультетом и

советом план преподавания астрономии был следующий: 1) популярная астрономия и история астрономии, для студентов 2-го курса; 2) сферическая астрономия и 3) рациональная астрономия, для студентов 3-го курса; 4) определение орбит планет и комет, для студентов 4-го курса и 5) практическая астрономия, двухгодичный курс, для студентов 3-го и 4-го курсов. Сверх того, в ясное и удобное время, Шидловский предполагал упражнять студентов в производстве астрономических наблюдений. Судя по найденным нами обзорениям преподавания за 1849 – 50 и 1852 – 53 годы, план этот впоследствии был изменен Шидловским таким образом, что популярный курс астрономии и отдельный курс рациональной астрономии не читались им вовсе. Также нет в этих обзорениях указаний на практические занятия со студентами на обсерватории. Но прибавлен курс геодезии, который в первоначальном плане был, может быть, пропущен потому, что предполагалось читать его в следующем году.

Приезд в Харьков, к счастью, не прервал связи Шидловского с Пулковской обсерваторией. В. Струве ценил, очевидно, способности и познания своего бывшего ученика и несколько раз давал ему из Пулкова ученые поручения или способствовал выполнению научных предприятий, задуманных самим Шидловским. Первое из таких поручений было сделано через несколько месяцев по приезду в Харьков Шидловского. В декабре 1843 года В. Струве сообщил Шидловскому о командировании его министром народного просвещения в Киев «для ученых сношений с профессором Федоровым». Письмо В. Струве об этом, к сожалению, в делах университета не сохранилось; но, очевидно, дело шло о вычислении определений географических координат различных мест Западной Сибири, определений, произведенных проф. Федоровым в 1832, 33, 34, 35, 36 и 37 годах. Сам Федоров этих вычислений почему-то не сделал и Струве, руководивший в то время всеми астрономо-географическими работами в России, по предварительному, вероятно, соглашению с Шидловским, поручил последнему обработку наблюдений Федорова.

Командировка в Киев Шидловского не обошлась без некоторых недоразумений по поводу командировочных денег, недоразумений, подобных тем, какие произошли с командировкой Шагина из Витебска в Киев для перевозки геодезических инструментов. Именно, правление университета в Харькове сосчитало Шидловскому прогоны по чину 8-го класса, но министерство финансов, вследствие того, что Шидловский был в то время лишь справляющим должность, нашло, что прогоны нужно было выдать по числу 9-го класса и предписало, – конечно, уже несколько месяцев спустя по окончании командировки, – взыскать с Шидловского излишне выданные ему деньги.

Вычисление наблюдений Федорова было закончено весною 1845 г и Шидловский представил полученные им при этом результаты как диссертацию на степень доктора. Существовавший в то время докторский экзамен Шидловский держал в заседании 24 января 1846 года. Защита диссертации была произведена 2 марта того же года, а 13 июня министр утвердил Шидловского в степени доктора и в звании экстраординарного профессора. При этом произошла с обозначением полученной Шидловским степени ошибка, замеченная и весьма просто исправленная министерством. Именно, как в представлениях факультета и совета, так равно и в представлении попечителя, полученная Шидловским ученая степень названа степенью доктора *астрономии и геодезии*. Между тем, в предписании министра управляющему Харьковским учебным округом, Шидловский утверждает в степени доктора *математики и астрономии*. При этом министр считает «нужным присоединить к сему, что по § 48 Высочайше утвержденного 6-го апреля 1844 года Положения о производстве в ученые степени, удостоенные степени доктора получают названия по разрядам, показанным в изданной при том положении таблице Г, присвоенного же вами и университетом Шидловскому названия доктора астрономии и геодезии в означенной таблице вовсе не показано».

В том же 1846 году произведена была баллотировка Шидловского на открывшуюся вакансию ординарного профессора. Одновременно с Шидловским баллотировался также и Демонси и так как полученное последним число избирательных шаров было тремя больше, чем полученное Шидловским, то ординатуру получил Демонси, Шидловский же, по представлению совета и с согласия попечителя, считался также «избранным в звание ординарного профессора» с тем, чтобы «при имеющейся открыться вакансии ходатайствовать об утверждении его в том звании» без новой баллотировки. Такая вакансия открылась в 1848 году и в ноябре того же года министр утвердил Шидловского в звании ординарного профессора.

Важнейшею обязанностью Шидловского по отношению к университету было, конечно,

возобновление остановившегося со смертью Шагина дела об устройстве университетской астрономической обсерватории. Несомненно, что вскоре по приезде в Харьков Шидловский начал хлопотать об устройстве обсерватории и что в университете велось об этом дело, доходившее, по крайней мере, до попечителя. Однако, несмотря на все старания, дела этого нам не удалось найти в архиве университета, и лишь в некоторых других делах имеются о нем отрывочные сведения. Даже в записке Федоренко «об астрономическом кабинете Харьковского университета», в которой говорится о проекте устройства обсерватории Шагиным, о таком же проекте Шидловского ничего не упоминается.

Насколько можно судить по сохранившимся данным, Шидловский уже в 1845 году имел надежду на постройку обсерватории. Но так как в то время почему-то постройка эта не могла быть еще начата, то Шидловский поспешил устроить *временную* небольшую обсерваторию в университетском саду. Обсерватория эта предназначалась сперва преимущественно для практических занятий со студентами. «Sie erhielt indessen», - говорит Шидловский в статье своей - «Ueber die geographische Lage der temporairen Sternwarte in Charkow, noch eine andere Bedeutung, indem sie 1) zu der Reihe jener Punkte gehört, deren Längen durch die chronometrischen Expeditionen von Herr. O. Struve aufs genaueste bestimmt sind und 2) insofern sie als Ausgangspunkt bei meinen, in den Jahren 1847 und 49 angestellten, astronomisch-geographischen Arbeiten zur Bestimmung der Lage einiger Punkte in Charkower und den benachbarten Gouvernements, gedient hat» [Благодаря географическому положению временной Харьковской Обсерватории, она приобрела ещё одно значение, 1) относясь к числу таких мест, чьи долготы точнее всего определяются хронометрическими экспедициями господина О. Струве, 2) послужив исходным пунктом моих астрономо-географических работ, подготовленных в 1847 и 1849 годах, на тему определения местоположения некоторых пунктов в Харьковской и соседних губерниях. – *пер. ред.*].

Научное значение этой крошечной обсерватории, состоявшей лишь из вращающейся башни, диметром в 8 футов («это была башня, весьма просто устроенная из картона на каменном фундаменте, которая поворачивалась с большим трудом помощью веревки и бревна» И. Федоренко), и открытого столба, находившегося от нее в расстоянии 20 футов, еще более увеличилось тем обстоятельством, что при производстве триангуляции Новороссийского края (от 1852 по 1855 год) центр ее был принят за один из первостепенных пунктов. Построенная из весьма непрочного материала, обсерватория эта скоро пришла в ветхость. Вероятно, она была уничтожена к концу 50-х годов. Проф. Федоренко в статье, только что цитированной в примечании, говорит о ней как об обсерватории 40-х годов. Но между 1852 и 1854 годами она еще, несомненно, существовала. В 1890 году, по поручению Военно-Топографического отдела Главного штаба, пишущий эти строки отыскал остатки почти сравнявшегося с землею, но еще сохранившегося фундамента обсерватории Шидловского. Также сохранился фундамент столба, стоявшего посредине башни. Центр этого столба и центр кругового фундамента башни, насколько можно было судить по рассеявшейся и частью совсем развалившейся каменной кладке того и другого сооружения, почти совпадают между собою. Со всею возможною осторожностью, полуразвалившиеся кирпичи фундамента столба были вынуты и заменены свежими, сложенными на портландском цементе. Общий центр фундамента башни и столба был обозначен в этой кладке проделанным в ней и залитым цементом вертикальным цилиндрическим отверстием.

Первое упоминание о предполагавшейся постройке постоянной обсерватории в Харькове мы встречаем в журнале правления от 25 апреля 1846 г. Правление постановило именно, начатое в 1836 г. и приостановленное за смертью Шагина в 1842 г. дело о постройке обсерватории «передать г. Шидловскому на тот конец, чтобы он рассмотрел и донес правлению, находит ли он удобным предположение Шагина о постройке на Холодной горе обсерватории». В ответ на соответствующее предписание правления, Шидловский сообщил, что, по освидетельствовании «местности около города Харькова в отношении удобства оной для постройки обсерватории», он находит «гораздо удобнейшим место за университетским садом, нежели как на Холодной горе». По поводу этого рапорта Шидловского правление 27 июня 1846 года постановило: «так как в настоящее время правлению не известно будет ли уплачена университету сумма, взятая заимообразно для гимназии или же взамен оной поступит университету гимназический дом, то посему правление и не может определить позволят ли средства университета приступить к устройству обсерватории, а потому суждение о сем предмете отложить до разрешения означенного обстоятельства». По-

видимому, «разрешение означенного обстоятельства» последовало весьма скоро, так как в предложении от 9 октября 1846 г. по поводу ходатайства университета о разрешении на производство большой ученой экспедиции, о которой далее скажем подробно, попечитель князь Долгоруков спрашивает, между прочим, совет, «не помешает ли господину Шидловскому исполнить эту экспедицию, если по составлению плана для сооружения обсерватории нужно будет ему отправиться в С.-Петербург, и будет ли достаточно экономической суммы университета, и на сооружение обсерватории и на эту экспедицию?»

На первый из этих вопросов попечителя факультет (через совет) ответил, что «отправление Шидловского в Петербург, если оно последует зимою, не только не будет препятствовать его участию в экспедиции, но даже будет ему весьма полезно, потому что оно доставит ему возможность лично снестись с некоторыми астрономами относительно производства соответственных наблюдений»; и далее: «предполагаемая постройка обсерватории требует, сверх того, чтобы эта экспедиция была совершена не позже будущего 1847 года, пока упомянутая постройка может производиться без присутствия профессора астрономии». В ответ на вопрос о средствах совет сослался на прежнее свое мнение, изложенное в донесении попечителю о постройке астрономической обсерватории, которое нам найти не удалось.

Несомненно, однако, что средства эти имелись в виду и постройка обсерватории казалась делом решенным.

По-видимому, и преемник князя Долгорукова по должности попечителя С. А. Кокошкин, интересовался вопросом об обсерватории, так как некоторые рапорты Шидловским были поданы непосредственно Кокошкину. В одном из этих рапортов Шидловский просил, между прочим, увеличить площадь предназначенного для постройки обсерватории участка вместо предполагавшихся прежде 3 – 4 десятин «по крайней мере, до шести десятин». Количество земли в 3 – 4 десятин казалось Шидловскому «достаточными, если бы обсерватория была окружена землею образцового хутора, потому, что директор хутора мог бы распорядиться своими заведениями и занятиями, имея в виду и пользу обсерватории». Но устройство образцового хутора, вероятно, почему-либо не состоялось, и правление порешило отдать окружающую место будущей обсерватории землю в аренду. Поэтому Шидловский просил упомянутого выше увеличения участка обсерватории «чтобы не затрудняться впоследствии устройством полуденных целей».

Вследствие прошения Шидловского, правление распорядилось о том, чтобы при отдаче лежащей за университетским садом земли внаем, было принято во внимание желание Шидловского. Затем, последний след дела о постройке обсерватории мы нашли в протоколах заседаний совета университета за 1848 год. В заседании 1-го марта этого года совет рассматривал «составленный вновь по распоряжению его превосходительства (Кокошкина) профессором Тоном проект на постройку при здешнем университете астрономической обсерватории и копию поданной по этому предмету профессором Шидловским записки». При этом попечитель предлагал обсудить «нет ли возможности устроить на одном из настоящих зданий университета место для приучения студентов к астрономическим наблюдениям, дабы таким образом избежать огромных издержек для новой постройки по прилагаемому проекту, которая вся почти предназначена для квартиры директора».

Составленный вновь проект, о котором здесь идет речь, должен был заменить проект 1846 года. Согласно этому последнему проекту обсерватория должна была состоять: 1) из двух меридианных зал для помещения приобретенных еще при Затеplinском инструментов: пассажного и стенного круга, и 2) из квартир для директора и наблюдателя. Издержки постройки были исчислены в 16000 р. Мы видим уже здесь весьма значительное сокращение издержек против проектов Шагина. Но сам Кокошкин, конечно, по объяснению Шидловского, нашел, что инструменты Затеplinского «некоторым образом уже устарели и не соответствуют настоящему состоянию науки». Тогда Шидловский предложил, не устанавливая старых инструментов, приобрести для новой обсерватории меридианный круг Штейнгейля. Вследствие этого оказывался нужным только один меридианный зал. Притом Шидловский отказывался даже от наблюдателя, для которого, поэтому, не нужно было строить квартиру. Согласно новому проекту, стоимость постройки обсерватории, вместе со стоимостью меридианного круга, исчислена была всего в 12000 руб. Как видим, от первоначального проекта Шагина осталась только самая ничтожная доля. Тем не менее,

Кокошкин находил издержки постройки «огромными» и не мог примириться с мыслью, что меридианный круг будет помещаться в одной комнате, а квартира директора – в нескольких. В ответ на предложение попечителя устроить обсерваторию для упражнений студентов на одном из университетских зданий, Шидловский пояснил, что устраивать обсерваторию «в центре города невозможно, ибо сотрясения от езды экипажей не позволяют прочной установки инструментов», притом же «устроенная теперь в университетском саду временная обсерватория, вполне достаточна для этой цели» (занятий со студентами).

Совет согласился с доводами Шидловского «о невозможности устроить обсерваторию на университетских зданиях», о чем положил донести попечителю, возвратив ему проект обсерватории.

Изложенным сейчас рассмотрением дела о постройке обсерватории в совете оканчиваются все сведения, какие мы могли собрать об этом деле. Никаких документальных указаний на причины, вследствие которых Харьковский университет был лишен столь важного и необходимого ученого и учебного учреждения, как астрономическая обсерватория, найти нам не удалось. Воспоминания некоторых бывших воспитанников Харьковского университета ставят неосуществление постройки обсерватории в связь с переходом управления округом от Долгорукова к Кокошкину. Подтверждений этому в известных нам документах мы, однако, не находим.

Каковы бы ни были причины, не допустившие постройки обсерватории, неудача эта, без сомнения, должна была чрезвычайно подавляющим образом подействовать на Шидловского.

Некоторое время, быть может года 3 – 4, надежда на устройство обсерватории казалась ему еще не совсем потерянной. Но затем явилось у него, по-видимому, охлаждение к своему делу и к Харьковскому университету. Иначе мы не можем себе объяснить того обстоятельства, что столь искусный и опытный наблюдатель, каким был Шидловский, после короткого периода напряженной наблюдательской деятельности, о котором сейчас будем говорить, с начала 60-х годов эту деятельность почти совершенно прекращает. Но пока не постигло Шидловского это крупное разочарование, он явился одним из участников важнейшего из научных предприятий, совершенных профессорами физико-математического факультета Харьковского университета в первое полувековье его существования. Предприятие это – ученая экспедиция 1847 - 1849 г.г., вполне заслуживает того, чтобы память о ней не заглохла в Харьковском университете. Поэтому я позволяю себе изложить ход этой экспедиции с несколько большею подробностью и с воспроизведением большего количества документов, чем это делалось до сих пор в настоящей статье.

ГЛАВА II-я

Первоначальный план экспедиции. Окончательный план экспедиции. Одобрение этого плана Академией Наук. Работы экспедиции в 1847 г. Замедление работ экспедиции в 1848 году вследствие холеры. Окончание работ экспедиции в 1849 году. Официальные отзывы членов Академии Наук о научных результатах экспедиции. Отношение университетского начальства к экспедиции и ее членам. Отголосок отношения общества к экспедиции.

В объемистом (423 листа) «деле совета университета» об ученой экспедиции харьковских профессоров в 1847, 48 и 49 годах не указано, кто именно был инициатором этого важного и плодотворного научного предприятия. С большою вероятностью, однако, можно допустить, что руководящая роль в организации экспедиции и даже инициатива предприятия принадлежит Шидловскому. Он участвовал уже, как мы видели, в нескольких ученых экспедициях и по собственному опыту мог оценить их значение. Кроме того, в нескольких бумагах правления и ректора университета, при перечислении участников экспедиции, первым назван экстраординарный профессор Шидловский, а затем уже ординарный профессор Черняев, что, конечно, в официальной бумаге того времени едва ли могло быть сделано случайно. Самое «дело» об экспедиции возникло по совместному рапорту о ней (с изложением программы предположенных ученых работ) профессоров Шидловского и Черная, написанному рукою Шидловского от 18 декабря 1845 года. Его же рукою написана и окончательная программа экспедиции, когда в ней впоследствии пожелали принять участие

Борисяк и Черняев.

Первоначально для предполагаемой экспедиции, Шидловским и Чернаем намечены были следующие задачи:

1. Определение географического положения 10 городов в губерниях: Харьковской, Воронежской и Курской. Положение восьми из этих городов до того времени вовсе еще определено не было, положение же 2-х остальных, Белгорода и Валук, было определено академиком Вишневым во время его известной экспедиции и вторичное определение Шидловским представлялось весьма важным, как для суждения о точности географических координат, полученных обоими наблюдателями, так и для связи между собою работ обоих ученых. Таким образом, экспедиция Шидловского должна была служить непосредственным продолжением целого ряда обширных астрономо-геодезических работ, предпринятых нашей академией наук в прошлом столетии и в начале текущего.

2. Исследование географического распределения животных в Харьковской и смежных с нею губерниях. До того времени, по словам проекта, это распределение не было еще исследовано «надлежащим образом».

Сверх выше упомянутых работ экспедиции, предполагалось также:

а) Определить высоты замечательнейших возвышенностей барометром и в некоторых случаях поверить барометрические измерения геодезическими.

б) Производить «геодезические измерения для вывода географического положения важнейших точек вблизи мест астрономических наблюдений».

с) Производить «наблюдения над всеми встречающимися физическими явлениями».

Для оценки астрономической части вышеизложенного плана экспедиции нужно припомнить, что Харьковская, Воронежская и Курская губернии в то время были еще весьма мало исследованы в географическом (а также и в естественноисторическом) отношении.

Подробных и точных карт этих губерний не существовало вовсе, так как тригонометрическая триангуляция в них не была еще сделана. Вообще, точное географическое описание России, вследствие громадности пространства ею занимаемого, представляло и представляет большие трудности. До учреждения С.-Петербургской академии наук в России не было определено ни одного астрономического пункта и вовсе не существовало сколько-нибудь надежной карты. В течение 18-го столетия академия наук снарядила целый ряд экспедиций, имевших целью астрономическое определение различных пунктов. Между именами астрономов, производивших эти определения, мы встречаем больше половины русских имен: Красильникова, Иноходцева, Исленьева, Черного и Румовского, причем такие беспристрастные судьи, как В. Струве и Шуберт, считают результаты наблюдений этих ученых не только не уступающими по точности наблюдениям одновременно с ними работавших академиком-иностранцев, но даже иногда их превосходящими (например, наблюдения Красильникова в сравнении с наблюдениями братьев Делиль в 30-х и 40-х гг. прошлого столетия). Трудом всех этих ученых к началу 19-го столетия было определено 67 астрономических пунктов в России. Число это представляется довольно большим по сравнению с числом подобных же определений, сделанных до того же времени в других государствах Европы, но, по сравнению с размерами России, оно было еще слишком незначительным.

Усовершенствования в устройстве астрономических инструментов, а также и в способах астрономических определений географических координат, сделанных в самом конце прошлого и начале текущего столетий, способствовали значительному увеличению числа подобных определений в текущем столетии. С 1806 по 1815 год академик Вишневыский определил положение 250 пунктов европейской России. Далее, с 1816 года начато у нас производство тригонометрических съемок. Но съемки эти, требующие большого и опытного персонала, не могут быть производимы в короткое время, почему даже и до сих пор они не распространены на всю Россию. Прежде всего, такие съемки произведены были в западной и северо-западной России. Только три года спустя после того, как предложена была харьковскими профессорами ученая экспедиция (в 1849 году), начаты были генералом Вронченко тригонометрические измерения в Новороссийском крае, которые были продолжены затем, от 1852 по 1855 г., по Екатеринославской, Таврической и Харьковской губерниям.

Таким образом, до начала второй половины текущего столетия, основания для точного географического описания Харьковской и смежных с ней губерний могли доставить только астрономические наблюдения. Астрономо-географические экспедиции, отправляемые из Петербурга, как упомянутая выше экспедиция Вишневыского и хронометрическая экспедиция

О. Струве в 1845 и 1846 г. г., имели целью определение географических координат важнейших пунктов в районах весьма значительной величины. Подобные пункты могли затем служить основными при определениях промежуточных пунктов. Экспедиция Шидловского имела целью определение пунктов последнего рода и составляла, следовательно, необходимое и важное дополнение к тем основным русским астрономо-географическим работам, о которых упомянуто выше.

Совет университета «вполне одобрил» план экспедиции Шидловского и Черная и просил помощника попечителя, кн. Цертелева, исходатайствовать необходимое разрешение. Экспедицию предполагалось произвести в течение июня, июля и августа месяцев 1846 г. Однако до 15 июня 1846 года помощник попечителя вовсе не отвечал совету на его просьбу о ходатайстве, не решаясь дать собственной властью ход делу в отсутствие Генерал-губернатора Н. А. Долгорукова. Но так как последний не возвратился в Харьков и в середине июня, то кн. Цертелев, в виду того, что экспедиция в 1846 году уже состояться не могла, просил совет – «если господа Шидловский и Черная не отменят помянутой цели своего путешествия на следующий год, – войти с новым по сему предмету к его сиятельству представлением в надлежащее время».

Эта, по-видимому, неожиданная задержка экспедиции имела, впрочем, для нее весьма благоприятные последствия. Шидловский и Черная не только не «отменили» своей экспедиции, но значительно расширили ее план, в особенности, благодаря тому, что в экспедиции пожелали принять участие профессор ботаники Черняев и адъюнкт минералогии и геогнозии Борисяк.

Князь Долгоруков возвратился в Харьков не позже июля месяца и в том же месяце распорядился отсрочить «до весны будущего года ученую экспедицию по предметам астрономии, зоологии, ботаники и минералогии». Поэтому совет через 2-е отделение философского факультета затребовал от «преподавателей» Черняева, Шидловского, Борисяка и Черная изготовления «планов для сей экскурсии», с тем, чтобы отделение факультета «рассмотрев оные, не оставило бы представить со своим заключением в совет заблаговременно».

Участники предположенной экспедиции доставили факультету требуемые планы в самом непродолжительном времени. Так как в этих планах или в «проекте ученой экспедиции» дается весьма интересная характеристика тогдашнего состояния географических и естественноисторических сведений о Харьковской и смежных с ней губерниях, то мы приводим здесь, в извлечении, соответствующую часть проекта.

Проект ученой экспедиции, составленный господами профессорами ботаники Черняевым, проф. астрономии Шидловским, адъюнктом зоологии Чернаем и исправляющим должность адъюнкта минералогии и геологии Борисяком для исследования Харьковской губернии и прилегающих к ней мест в географическом и естество-историческом отношениях

В настоящее время географические исследования стран занимают первостепенное место в ряду ученых занятий. Множество сделанных с этою целью изысканий в чужих краях, возникающие учреждения географических обществ достаточно уже указывают на важность упомянутых исследований. Давно уже чувствуемый недостаток подобных разысканий на обширном пространстве Российской империи был причиною многих пожертвований со стороны мудрого нашего правительства для достижения подробнейших сведений о России; наконец, учреждение русского географического общества еще более выказывает желание правительства и тем более возбуждает к содействию людей, долгом службы и призвания обязанных стремиться к исследованию своего отечества. Харьковская губерния и прилегающие к ней страны, несмотря на сделанные в них некоторые ученые путешествия, представляют еще много любопытных и важных предметов для географических исследований, разумея под географическими исследованиями страны не только географическое определение мест, но и изыскания физических свойств ее и изучение всех естественных произведений. Для точного исследования Харьковской губернии в географическом и естество-историческом отношениях нельзя ограничивать изыскания исключительно Харьковской губернией, но необходимо распространить их и за пределы оной, ибо почва и произведения ее так тесно связаны с произведениями окрестных мест, что могут быть изучены вполне только в связи друг с другом, а для единства плана и астрономические наблюдения могут производиться в тех же местах; вследствие чего и полагаем избрать для исследования местность некоторым образом естественно ограниченную с севера: линию, соединяющею Курск с Воронежем, с Востока рекою Доном, с Юга линию, соединяющею устье реки Медведицы с Екатеринославом и с запада реками Днепром, Пселом – истоками

Сейма.

Вследствие вышеизложенных обстоятельств, цель ученой нашей экспедиции должна состоять в определении географического положения главнейших мест ограниченной нами страны и в подробном исследовании сказанных мест в отношении к минералогии и геологии, фауне и флоре ее. Для производства сказанных изысканий считаем нужным употребить месяцы май, июнь, июль, август и сентябрь 1847 г.

Сообразив все подробности разысканий, ведущих к упомянутой нами цели, мы принимаем на себя следующие исследования.

А) По части астрономической географии:

Составление географических карт страны производится обыкновенно посредством геодезических и топографических съемок, в соединении с астрономически определенными положениями мест. Обратив, однако, внимание на обширность нашего отечества, легко понять, что триангуляции не могут быть общим средством для составления карт, и только путем астрономических наблюдений можно надеяться получить лучшие данные для этой цели. Убеждения эти разделила С.-Петербургская академия наук почти со времени ее основания и мы встречаем уже в прошедшем столетии целый ряд экспедиций, отправленных ею для определения географического положения мест. Блистательнейшие же результаты для астрономической географии европейской России собраны академиком Вишневым, совершившим путешествие в начале настоящего столетия. Много городов в подлежащей к исследованию местности определено им. Не только значительное число определенных мест отличает экспедицию Вишнева от других подобных, но и самое достоинство определений, точность которых подтверждается всеми последующими путешествиями, совершенными со средствами гораздо совершеннейшими, нежели какими располагал Вишневский. Несмотря на совершенные уже труды, положения самих важных мест остаются еще неопределенными и подобный недостаток в особенности ощутителен в отношении мест, лежащих близ Харькова. При рассмотрении росписей положения мест в определенном нами к исследованию пространстве оказались следующие города, положение которых вовсе не определено: Бирюч, Богодухов, Валки, Верхнеднепровск, Волчанск, Грайворон, Землянск, Зеньков, Змиев, Кобеляки, Коротоляк, Короча, Лебедин, Миргород, Новохоперск, Путивль, Рыльск, Славянск, Суджа, Сумы, Тим, Хорол и Чугуев. Определение положения сказанных мест составляет труд обширный и важный, но, во всяком случае, неисполнимый в течение одного года, а потому считаем необходимым ограничить предварительно исследования только местами ближайшими к Харькову. Труднейшую задачу при определении географического положения составляет определение долготы. Совершенная в нынешнем году астрономом Пулковской обсерватории Отто Струве хронометрическая экспедиция определила с точностью, которой нельзя достигнуть из наблюдений Луны, долготу временной Харьковской обсерватории, а потому точнейшие результаты для определения близ лежащих Харькова мест и должны быть находимы через переноску времени посредством хронометров, и только где сказанное средство окажется недостаточным, по причине удаления мест от Харькова, нужно прибегать к кульминациям Луны и покрытиям звезд. Широты всех мест должны быть выведены из наблюдений Полярной звезды астрономическим теодолитом, а где позволят обстоятельства, то из наблюдений пассажным инструментом, установленным в первом вертикале. Сообразно сказанному, исследования по астрономической географии будут состоять:

а) В определении географического положения: Чугуева, Змиева, Валок, Богодухова, Волчанска, Сум, Корочи, Нового Оскола, Бирюча и Коротоляка.

б) Сверх того, где позволят обстоятельства, будут производиться и другие побочные исследования, как то: геодезическое нивелирование, соединение мест наблюдения с видимыми замечательными в окрестностях предметами, барометрическое определение некоторых высот etc.

с) По части геологии и минералогии.

Геогностический состав нашей губернии не более пяти лет обратил на себя внимание геогностов. Предполагаемый недостаток металлических богатств был причиною, что изыскания в Екатеринославской губернии весьма мало касались Харьковской. Открытие каменного угля около Петровки, а еще более потребность годного строительного материала для предполагаемого шоссе между Курском и Кременчугом, подали повод к геогностическим путешествиям господ Бледе, Мейендорфа, Кейзерлинга и Девернейля, которые доставили ученому свету первые изыскания относительно геогнозии нашей губернии. Исследования господина Бледе относительно только той части нашей губернии, которая прилегает к предполагаемому шоссе, и быстрые проезды прочих путешественников не позволили им заняться подробным изучением Харьковской губернии; почему, несмотря на сведения, собранные упомянутыми учеными, можно утвердительно полагать, что Харьковская губерния в геогностическом отношении еще не вполне исследована. Геогностическое описание состава обозначенной нами местности весьма важно, как в том отношении, что послужит к объяснению геологического строения Харьковской губернии, так и потому, что на этом пространстве решаются весьма важные вопросы геологии России: здесь являются переходы древних почв северной части нашего отечества с образованиями южной. Точнейшее определение литологического и

палеонтологического характеров избираемой местности, не взирая на труды упомянутых ученых, может принести еще значительную пользу русской геогнозии и послужить к пополнению геогностической карты сказанной страны. Вследствие чего мы намерены: а) определить почвы и формации, залегающие в нашей губернии, классифицировать и назначить им точную границу и показать связь их с образованиями соседних губерний; как можно полнее исследовать литологический и палеонтологический характер оных; б) заниматься исследованиями над орографией губернии, определяя барометрически разные возвышенности и собирая возможно точные наблюдения над реками, прорезывающими пространство, подлежащее к исследованию; в) наблюдать температуру и состав источников и озер, почему-либо обращающих на себя внимание; г) изыскивать и исследовать минеральные вещества, могущие принести пользу в общежитии; е) составить геогностическую карту нашей губернии с нанесением на ней месторождений полезных минералов.

С) и D) По части ботаники и зоологии.

Много важных наблюдений приобрела ботаника и зоология поездками через Харьковскую губернию и прилегающие к ней страны Палласа, Шмелина, Нордмана и Блазиуса, равно как и розысканиями маршала Биберштейна и Криницкого. Однако поездки упомянутых естествоиспытателей были слишком кратковременны, неутомимая деятельность маршала Биберштейна и Криницкого прервана слишком раннею для науки смертью, чтобы доставить подробное естество-историческое описание нашей губернии. До сих пор не имеется ни флоры, ни полной фауны Харьковской губернии и мест, прилежащих к ней. Многие явления растительной и животной жизни, свойственной нашему краю, не объяснены по недостатку частных разысканий местности. Местные средства, употребляемые для ловли животных, для предохранения от вреда, наносимого некоторыми; травы, пользующиеся целительными свойствами, развитие травяных и древесных пород в степных и лесных местностях губернии почти вовсе не исследованы. Сверх того, собранные в наших местностях окаменелости, хранящиеся в кабинетах университета, дают повод надеяться приискать новые, могущие более пояснить геогностические отношения нашей губернии. Микроскопических исследований вовсе не было сделано, и мы в праве ожидать от них такие же любопытные результаты, какие представляются заграничным естествоиспытателям при их изысканиях. Поэтому мы предполагаем:

а) Определить вообще характер украинской флоры и исследовать точнее породы дико-растущих и разводимых растений.

б) Изучить географическое распределение растений, сообразно почвам и местам и преимущественно растительность степного чернозема.

в) Исследовать постепенно увеличивающееся и уменьшающееся развитие травяных и древесных пород сообразно климатическим линиям, выражающимся в степных и лесных местах губернии и ее смежных стран, преимущественно же линии озимых хлебных злаков.

г) Обратит внимание на все вредные влияния прозяблемости упомянутых стран.

д) Исследовать флору в отношении к сельскому хозяйству, технологии, простонародному лечению, лесоводству и садоводству.

е) Определить с точностью всех животных, постоянно пребывающих в Харьковской губернии и смежных с нею местах, что, вместе с разысканиями по этому предмету покойного Криницкого и некоторых других, составит материал для подробной фауны этой страны.

ж) Ознакомиться по возможности с случайными или периодическими пришельцами из царства животных в упомянутых странах, в особенности же из класса птиц и рыб.

з) Разыскать с подлежащею подробностью те виды животных, которые составляют или могут составить важность в промышленности упомянутых стран, равно как обратит внимание на местные средства, употребляемые для их ловли.

и) Тщательно исследовать большое число здесь обретающихся врагов из царства животных для хозяйства и способы, употребляемые для предохранения от вреда, наносимого ими.

к) Собрать факты, могущие служить для сведения о связи животных и растений с атмосферическими явлениями и тем способствовать предприятию Брюссельской академии.

л) Изучить орографию упомянутых стран в отношении условий, представляемых ею для жизни и распространения животных.

м) Обращать особенное внимание на встречающиеся окаменелости.

н) Производить микроскопические наблюдения, недостаток которых в наших странах делается весьма ощутительным.

Таким образом, для производства предположенных исследований участники экспедиции предполагали употребить пять месяцев. Расходы экспедиции рассчитаны были в 3312 руб. 25 коп. Принимая во внимание значительный личный состав экспедиции (кроме профессоров, также их помощники и служители), большое (в особенности у астронома)

количество инструментов и прочих приспособлений, которые нужно было возить с собою и значительность расстояний, которые предполагал проехать каждый из членов экспедиции, означенную выше сумму расходов нужно, конечно, признать весьма скромной.

Факультет, рассмотрев проект экспедиции, нашел его «удовлетворительным». Опасаясь, однако, «неудобств, могущих произойти через отлучку четырех преподавателей в одно и тоже время на пять месяцев, как в отношении производства экзаменов, так и преподавания», факультет предлагал «распространить сказанную экспедицию на два года» так, чтобы каждый год были в отлучке только 2 преподавателя. Совет университета не остановился, однако, над этим формальным препятствием. Оценив, очевидно, вполне научное значение и пользу экспедиции, совет одобрил представленный план ее, расходы отнес на экономические суммы университета, а экзамены по предметам, преподаваемым членами экспедиции, положил произвести несколько раньше обычного срока. При этом совет полагал, что пропуск лекций своих в сентябре месяце члены экспедиции могут восполнить «в последующие затем месяцы».

Ходатайство совета о разрешении ученой экспедиции, направленное через попечителя, вызвало со стороны последнего, по поводу проекта экспедиции, несколько замечаний. Между прочим, попечитель спрашивал, «надеются ли господа Черняев, Шидловский, Чернай и Борисяк в точности исполнить все то, что излагают они в проекте путешествия?» Далее, попечитель находил издержки экспедиции слишком значительными, почему просил совет «предложить вышеупомянутым господам профессорам нельзя ли уменьшить некоторых расходов по этой экспедиции и не удобнее ли будет, как относительно издержек, так и относительно преподавания, разделить эту экспедицию на 2 года?».

Предлагая разделить экспедицию на два срока, попечитель (как раньше 2-е отделение философского факультета) имел в виду устранить, таким образом, пропуск членами экспедиции своих лекций в университете. Совет, конечно, согласился с мнением попечителя и было постановлено, что в первый (1847) год, отправятся в экспедицию Шидловский и Борисяк, в следующем же году – Чернай и Черняев (желание попечителя, чтобы профессора уменьшили издержки экспедиции, было выполнено только Шидловским, который отказался от получения суточных и квартирных денег и отнес устройство палатки над инструментами на суммы астрономического кабинета). В действительности, однако, экспедиция, главным образом вследствие появившейся в России в 1847 – 48 г.г. холеры, а также частью вследствие обширности предположенных научных работ, окончилась лишь в 1849 г.

Окончательно выработанный в конце 1846 года проект ученой экспедиции был отправлен к министру народного просвещения, а последним сообщен Академии наук. Как и следовало ожидать, академия одобрила проект экспедиции, причем знаменитый академик – астроном В. Струве, в особом донесении академии, указывал на важное научное значение астрономической части экспедиции харьковских профессоров, прибавляя, что Харьковский университет «в лице господина Шидловского имеет опытного наблюдателя». Благоприятный отзыв академии об экспедиции содействовал, конечно, тому, что министр признал «предполагаемое путешествие полезным» и «разрешил исчисленные на совершение экспедиции издержки до 3127 руб. 25 коп. употребить из экономических сумм Харьковского университета». Без сомнения, нельзя придумать лучшего употребления экономических сумм университета, как то, которое из них было сделано в рассматриваемом случае.

Согласно утвержденному министром плану экспедиции, в 1847 г. предстояло ехать Шидловскому и Борисяку, которые и получили своевременно от ректора предложение готовиться к отъезду. Профессор Черняев должен был совершить свое путешествие лишь в следующем 1848 году. Однако Черняев нашел, что выполнить все предположенные наблюдения и исследования в одно лето будет невозможно, почему и просил, в начале апреля 1847 года, совет разрешить ему (Черняеву) воспользоваться для своих изысканий не только летом 1848, но и летом 1847 года. Помощник попечителя, князь Цертелев не дал своего согласия на такое «разделение на два года разрешенной начальством ученой экспедиции по части ботаники», но, «принимая во внимание пользу.... от предпринимаемых им (проф. Черняевым) ученых изысканий в настоящем 1847 году» дозволил проф. Черняеву употребить «для ботанических экскурсий» лето 1847 г., «если он (проф. Черняев) изъявит желание совершить эту поездку на свой счет, но с выдачею казенной подорожной». Черняев согласился ехать на этих условиях, почему получил, хотя несколько поздно, обещанную подорожную.

Шидловский и Борисяк не могли закончить в одно лето – как следовало по плану

экспедиции – предпринятые ими работы. Важнейшей причиной, побудившей Шидловского отложить окончание экспедиции до следующего лета, было значительное увеличение, против приведенного в проекте, числа определяемых пунктов (30, вместо 10). В 1847 г. до первых чисел сентября Шидловский совершил восемь поездок по Харьковской, Воронежской и Курской губерниям и определил положение пятнадцати пунктов, причем «почти постоянно дождливое лето и испорченные дороги» очень задерживали работу. Нужно было сделать еще 6 поездок и определить еще 15 пунктов, но для этого оставалось уже слишком недостаточно времени. Сверх того, в названных выше губерниях начала распространяться холера, почему Шидловский нашел «во многих отношениях неудобным продолжать предпринятую мною (Шидловским) ученую экспедицию» и предполагал «просить о дозволении окончить предпринятый мною (Шидловским) труд с 1 мая будущего 1848 года». Как кажется, ссылка на холеру сделана была единственно с целью простейшим образом избежать официальных объяснений по поводу отступления от утвержденного «плана ученого путешествия», отступления, вызванного неблагоприятною погодой и обширностью работы. Достаточные подтверждения нашему предположению мы увидим далее.

Борисяк возвратился в Харьков лишь 13 октября, запоздав против назначенного срока почти на две недели. В эту поездку Борисяк исследовал в геологическом отношении огромное пространство «ограниченное к северу и северо-востоку линиею, проведенною через Новгород-Северск, Путивль, Сумы и Белгород; к востоку – линиею, проходящею от Белгорода через Харьков до Екатеринослава; к юго-западу рекою Днепром, а к северо-западу границею Черниговской губернии, от Полтавской и Курской до Новгород-Северска». Однако предположенные исследования Борисяком все-таки закончены не были и их предстояло еще продолжать в будущем году. В рассматриваемом «деле» не сохранилось указаний на то, каким образом удалось Борисяку объяснить оказавшуюся невозможность совершить все предположенное путешествие согласно плану в одно лето, равно также нет прошения самого Борисяка о разрешении продолжать экспедицию в 1848 году. Тем не менее, совет – быть может, по представлению факультета – просил и получил от попечителя разрешение Борисяку продолжать экспедицию и в 1848 году.

Таким образом, в 1847 году, всем участникам экспедиции предстояло отправиться в путешествие. Но и на этот раз непредвиденные обстоятельства совершенно изменили, как намерения участников экспедиции, так и строгие предписания Кокошкина об окончании экспедиции «непременно» к назначенному сроку.

Руководясь, вероятно, опытом путешествия первого (1847) года, члены экспедиции (кроме Борисяка, которому, как увидим дальше, вовсе не пришлось ехать) взяли с собою помощниками студентов. С Шидловским поехал студент Федоренков, с Черняевым – Гарницкий, Сирвица, Черняев и Савченко (Николай) и с Чернаем – Фесенков. Благодаря сухому лету Шидловский в короткое время совершил шесть оставшихся ему поездок и определил положение пятнадцати пунктов, так что к началу июля 1848 года астрономическая часть экспедиции была совершенно закончена и Шидловский возвратился в Харьков. Холера в 1849 году начала, по-видимому, развиваться с особою силою, именно в начале июля и, не успев помешать астрономической экспедиции, прекратила остальные. От 17-го июля Чернай представил ректору рапорт, в котором говорит: «я производил в продолжение месяцев мая, июня и июля ученые исследования по части зоологии в губерниях Харьковской, Полтавской, Воронежской и Екатеринославской. Но болезнь холера, открывшаяся в местностях, которые мне предстоит еще посетить, может значительно замедлить и сделать тщетными дальнейшие разыскания, рождая равнодушие и подозрение к предприятию в лицах, содействие которых мне необходимо; беспокойство, возникшее между жителями тех стран вследствие болезни, может увеличиться при взгляде на исследования, непонятные для простолюдина, и часто препятствовать наблюдениям». При таких условиях Чернай не находил возможным продолжать экспедицию и просил разрешения отложить окончание ее на лето 1849 года. Такая же просьба поступила затем и от Черняева, который также вынужден, был прекратить свои разъезды «по причине свирепствовавшей эпидемии и чрезмерной летней засухи».

Борисяку в 1848 году разрешение на поездку было дано позже, чем другим членам экспедиции, именно 21 июня и лишь 26 июня готова была ему подорожная. Но в тот же самый день попечитель «приказал» Борисяку «состоять в числе медицинских чиновников, назначенных для подания помощи заболевшим холерою в г. Харькове», почему

геологическая экспедиция в 1848 г. вовсе не производилась.

В начале 1849 года Чернаю, Борисяку и Черняеву снова пришлось просить разрешение на продолжение их экспедиций, несмотря на то, что это разрешение, по крайней мере, некоторым из них, уже дано было раньше. Кокочкин не отказал членам экспедиции в разрешении «но с тем, чтобы они непременно возвратились в Харьков к началу лекций». Но и на этот раз удовлетворить строгому приказанию начальства мог только один из членов экспедиции – Чернай, успевший совсем окончить свои исследования к 25 июля. Находясь уже в путешествии, Борисяк увидел невозможность окончить работу к началу лекций, почему просил продолжить отпуск ему и его спутнику студенту Черняеву до 1 сентября, причем указывал на то, что «значительных упущений» по должности преподавателя пропуск лекций в августе месяце вызвать не может «по не устанавливаемому, по причине вступительных экзаменов и перестроек в университете, в этом месяце преподаванию».

Еще более значительное продление отпуска понадобилось Черняеву. «Но причине неожиданно встретившихся явлений, происшедших от поздней весны и незапамятного разлива рек, замедлившего на лугах Дона растительное развитие до того, что в южной части Воронежской губернии и в части земли Войска Донского, луга и до сего времени (23 июля) остаются не скошенными и в полном цветении», Черняев просил разрешения продолжить свою экспедицию до 1-го октября. Просимое Борисяком и Черняевым продление отпусков было разрешено Кокочкиным. При этом, судя по предложению Кокочкина ректору о продлении отпуска Черняеву, решающим мотивом продления было обещание Черняева «окончательно исследовать многие сделанные уже немаловажные открытия по части народного медицинского и ветеринарного лечения и распространить сведения относительно причины случайного конского падежа, нередко проявляющегося в разных местностях губерний».

Черняев, а также, вероятно, и Борисяк, возвратились из своих путешествий почти к назначенному ими сроку. «В 1849 году Борисяк занимался предпочтительно исследованием Харьковской губернии, осматривая, однако ж, и прилегающие пространства Курской и Воронежской». Что же касается Черняева, то, по-видимому, большую часть лета 1849 года он провел в южной части Воронежской губернии и в области Войска Донского. Поездками в 1849 году вся предположенная ученая экспедиция была закончена.

Результатом астрономической части экспедиции, как выше указано, было определение положения тридцати пунктов в Харьковской и в трех смежных с нею губерниях. Мы указывали уже на научное значение определений такого рода. Нам остается заметить здесь только, что точность наблюдений Шидловского вполне оправдала высказанное о нем В. Струве мнение, как об опытном наблюдателе. Все свои наблюдения, относящиеся к предмету экспедиции, Шидловский изложил в трех следующих статьях: 1) *Ueber die geographische Lage der temporären Sternwarte in Charkow*, 1851; 2) и 3) Отчет об астрономическом путешествии, совершенном в 1847 и 1848 годах, выпуск 1-й, 1853 г. и выпуск 2-й, 1857 г.

Перечисление результатов, добытых во время экспедиции по предмету зоологии, сделано Чернаем в представленном им подробном отчете. Из этого отчета видно, что Чернай сделал всего шесть поездок, проехав при этом в общей сложности 3923 версты. Самое изложение результатов экспедиции сделано было Чернаем в ряде статей на немецком и русском языках и в сочинении: «Фауна Харьковской губернии и прилежащих к ней мест». Сочинения эти были отправлены университетом в академию наук, которая поручила рассмотрение их академику Брандту. Отзыв последнего о всех статьях – весьма благоприятный, но особенно благосклонно отзывается он о «Фауне Харьковской губернии». По его словам, это «труд, выполняющий собою ощутительный дотоле пробел в зоологической литературе России». «Вообще», - говорит далее Брандт, - «нельзя не отдать полной справедливости стремлению и усердию господина экстраординарного профессора Черная и, признавая его деятельность весьма успешною, я вмещаю себе долгом своим отрекомендовать его высшему начальству, искренно желая, чтобы оно оказало ему соответственное неутомимому его рвению к науке поощрение».

Вскоре по окончании экспедиции Борисяк также представил отчет, отличающийся краткостью и богатством содержания. Из этого отчета видно, что Борисяк в одинаковой мере и с одинаковым успехом стремился, как собрать чисто научный материал, так и определить местонахождение минеральных веществ, «могущих принести пользу в общежитии». В конце 1851 года Борисяк представил затем подробный отчет на 210 стр. о своих путешествиях в 1847 и 1849 годах. Отчет этот был также отправлен в Академию наук и передан последнему

на рассмотрение знаменитому Гельмерсену. Строгий, но беспристрастный отзыв последнего об экспедиции Борисяка резюмирован в следующих словах донесения Гельмерсена академии (донесение это приложено к настоящей главе). «Не входя в подробный разбор различных частей отчета, скажу только, что я в каждой из них нашел много данных, отчасти совершенно новых, но вообще любопытных и поучительных; эти данные тем более обогащают геологическое познание Харьковской губернии, что собраны не только добросовестно, но с полным знанием дела и с видимым желанием достигнуть истины, в чем автор и успел».

Черняев, как видно из донесения его совету в 1849 г., «вместо указанного проектом экспедиции пространства мест, ограничивающегося тремя тысячами верст... нужным и возможным нашел распространить поле своих занятий на шесть тысяч верст. О результатах моих трехлетних занятий и сделанных открытиях, как по части ботаники, так и по части геогнозии», говорит далее Черняев, «буду иметь честь донести совету по приведении в порядок, собранных во множестве сведений и самих предметов». Однако Черняев очень замедлил с обещанным донесением и лишь в 1853 году, после многократных требований попечителя, представил, по его словам, не вполне еще законченный отчет об экспедиции, состоящий из «подробного конспекта, или исчисления украинских растений, числом до 1603». Отзывов специалистов об этом отчете в рассматриваемом «деле» не находится, вероятно, потому что Черняев, несмотря на напоминания совета, обещанного «введения (к отчету), в коем изложены бы были общий взгляд на украинскую природу и разрешение некоторых вопросов», не представил до середины 1856 года, когда все «Дело» об экспедиции было закончено.

Нам остается еще, – для характеристики университетской жизни в рассматриваемую эпоху, – сказать о тех официальных и служебных отношениях, которые возникали по поводу экспедиции для участников последней. Как исходатайствование разрешения экспедиции, так и разные случайные обстоятельства во время производства экспедиции и обработки добытых ею результатов вызвали, конечно, обширную официальную переписку, разросшуюся местами до значительных размеров, как нам кажется, единственно вследствие некоторого недоразумения. Попечитель и генерал – губернатор Долгоруков и, в особенности, его преемник Кокошкин рассматривали ученую экспедицию, т.е. добровольный не обязательный по должности и безвозмездный труд профессоров как обязательное для них служебное поручение и неуклонно следили за тем, чтобы при его выполнении не произошло какого-либо ущерба интересам казны. Но подвести деятельность ученой экспедиции под тогдашние канцелярские понятия о пользах и ущербах казны было, конечно, нелегко. Поэтому сплошь и рядом возникала излишняя переписка, а иногда и некоторые неудобства для экспедиции. С самого начала Долгоруков потребовал, например, от совета объяснения: «от чего профессор Шидловский предполагает сделать астрономические наблюдения на пространстве 1700 верст; прочие же преподаватели путешествие свое распространяют на 3000 верст». Как из этого вопроса, так и из ответов на него факультета и совета видно, что дело идет о возможном «ущербе интересам казны».

Отчеты профессоров об их путешествиях в течение каждого лета, вместе с заключениями факультета об этих отчетах, препровождались – вследствие постоянно повторяемых требований Кокошкина – к этому последнему. Однажды факультет, найдя «что отчет об экспедиции г. Борисяка и описание оной вообще удовлетворительны», прибавил к этому бесполезную и, в сущности, бессодержательную фразу: «Некоторые места (отчета), не совсем определительно выраженные, и могущие подать повод к возражениям, без сомнения будут господином Борисяком исправлены, когда он по окончании всей экспедиции приступит к напечатанию полного описания оной». Кокошкин предписал поэтому, «чтобы замеченные в отчете об экспедиции неясности исправлены были им (Борисяком) по окончании всей экспедиции».

Рассматривая экспедицию как казенное поручение, при выполнении которого строго предписывалось не отступать от раз составленного самими же участниками экспедиции примерного плана, управление округом, в то же время, строго следило за тем, чтобы на экспедицию учебное время вовсе не употреблялось. Но, как мы видели, непредвиденные обстоятельства постоянно изменяли предначертания начальства. Столь же мало помогали, по-видимому, делу многократные требования попечителя о скорейшем доставлении подробных отчетов членами экспедиции, несмотря на то, что ректору вменено было в обязанность «иметь наблюдения за окончанием отчетов профессоров». При этом не раз

происходила путаница: требования отчетов предъявлялись и тем членам экспедиции, которые их уже представили и официальная переписка, конечно, росла. Участники экспедиции должны были пояснять, что для обработки своих наблюдений они должны производить многие определения и сравнения, входить в сношения с другими учеными и т. д. Официальное вмешательство в обработку результатов экспедиции дошло до того, что Кокоскин потребовал от «профессора Черная, чтобы он издал на русском языке напечатанные им на немецком языке брошюры, в коих изложены наблюдения, сделанные им во время ученой экспедиции в 1848 и 1849 годах». Напечатанная за год перед тем на немецком языке первая статья Шидловского, вероятно, вызвала подобное же замечание со стороны попечителя (хотя его в деле не имеется), так как остальные две брошюры Шидловского напечатаны были по-русски.

Впрочем, все эти и подобные им начальнические распоряжения, касавшиеся ученой стороны дела экспедиции, вызывали только усиленную переписку, не нанося никакого существенного вреда. Но в то же время, постоянное наблюдение как попечителя, так и совета над экспедицией имело и свою очень хорошую сторону. Экспедиция являлась, таким образом, уже не личным только делом профессоров, в котором, кроме них, заинтересованы только их ближайшие коллеги по науке. Она была, напротив, экспедицией университетской. О ходе ее и ее результатах, о мнениях посторонних специалистов об этих результатах уведомлялись все члены совета. Совет же рассылал брошюры участников экспедиции различным учреждениям и лицам. Такое отношение университета к ученым трудам его членов является, как нам кажется, прямым следствием того обстоятельства, что университет есть одновременно учебное и ученое учреждение и, как учебное учреждение, выполняет свою задачу тем полнее и совершеннее, чем выше стоит он как учреждение ученое.

По счастливой случайности, в официальном «деле» сохранился один отголосок отношения общества к ученой экспедиции харьковских профессоров, правда, также в виде официального письма, но написанного с несомненною сердечностью. Во время пребывания Шидловского в Воронеже для определения разности долгот Воронежа и Харькова, Воронежский Архиепископ оказывал содействие работам экспедиции. Поэтому, согласно, конечно, заявлению Шидловского, совет выразил преосвященному благодарность в следующем письме:

*Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Игнатию, Архиепископу Воронежскому и Задонскому.*

Во время ученого путешествия экстраординарного профессора Харьковского университета Шидловского по Воронежской губернии для исследования оной в географическом отношении, Ваше Высокопреосвященство изволили принять деятельное участие в успешном ходе этой экспедиции и доставили Шидловскому, кроме других удобств для производства экспедиции, и помещение в собственном доме, что имело особенную важность в Воронеже, где Шидловский должен был делать наблюдения столь же часто, как и в Харькове. За таковое просвещенное участие и содействие Вашего Высокопреосвященства Совет Императорского Харьковского Университета почтительнейше приносит усерднейшую благодарность.

Преосвященный не замедлил ответить на эту благодарность следующим письмом:

В Совет Императорского Харьковского Университета

Отношение Совета от 10 февраля сего года за № 59 с изъявлением благодарности мне за участие и содействие в успешном ходе во время ученого путешествия экстраординарного профессора Харьковского Университета господина Шидловского в г. Воронеже, я имел честь получить, и на оказанное внимание ко мне приношу Совету Императорского Харьковского Университета мою сердечную благодарность. Для меня уже и то составляло особенное удовольствие, что довелось принять в святой обители господина достопочтенного ученого, трудящегося к общему благу науки, а сделанная ныне честь за столь малую, впрочем, усердную, мою службу ему превзошла мои желания. Призываю на Совет Императорского Харьковского Университета благословение Господа Бога, по молитвам Святителя и Чудотворца Митрофана Воронежского. Покорнейший слуга и Богомолец

Игнатий Архиепископ Воронежский.

Командировка Шидловского в Пулково. Экспедиция Шидловского в Измаил для производства астрономических измерений. Участие Шидловского в наблюдении солнечного затмения 1851 и недоразумение, возникшее по этому поводу. Приобретение инструментов для астрономического кабинета. Переход Шидловского на службу в Киевский университет. Перестройка Киевской обсерватории. Оставление Шидловским ученой службы. Последние годы жизни Шидловского.

Изложив на предыдущих страницах общий ход ученой экспедиции Харьковского университета, возвратимся снова к специальному рассмотрению деятельности Шидловского.

Ближайшим последствием совершенной экспедиции была для Шидловского командировка в Пулковскую обсерваторию в конце 1848 года. Командировка эта была разрешена по просьбе В. Струве и по причинам, изложенным, в следующих строках письма этого ученого к попечителю Кокошкину:

«Depuis quelques années l'application de l'astronomie à la géographie a pris un élan nouveaux en Russie, et nous a fait dépasser de beaucoup tous les travaux analogues des autres nations. Là, où par l'étendue immense de l'Empire, la levée trigonometrique ne peut être appliquée, l'observation des astres fournit maintenant un nombre considérable de points fixes et qui serviront de base aux opérations topographiques. Le plan de ces travaux, conçu à l'observatoire central de concert avec le Chef de l'Etat major, S. E. M. l'aide de Camp Général de Berg, a été puissamment favorisé par la coopération des Universités du pays, et notamment par la participation active des astronomes de Kharkoff et de Moscou. M. le Professeur Schidlofsky a été, avec l'approbation de V. E., pendant deux étés en campagnes pour ces sortes d'observations et ses travaux torment un chaînon important du travail total entrepris dans les provinces meridionales et orientales de la Russie Européenne.

Il s'agit maintenant de réunir ces différentes parties, pour que les résultats en puissent être tirés les plus tôt possible et être employés dans les travaux de l'Etat major Impérial. Pour ce but il est d'une haute importance que tous les calculs se fassent sur un plan uniforme et précis. C'est par cette circonstance que j'ose exprimer à V. E. le désir: que M. le professeur Schidloffsky se rend pour quelques semaines à l'observatoire de Poulkova, afin que je puisse m'aboucher avec lui sur la voie la plus expéditive et la plus exacte des calculs à faire sur la masse considerable de ses observations; voie qui en meme temps produira l'uniformité requise avec les autres parties de l'entreprise générale. Le séjour de M. Schidloffsky à Poulkova me fournira en outre l'occasion de consulter avec lui sur quelques autres travaux des sciences pour lesquels je réclame la coopération de ce savant zélé».

[На протяжении нескольких лет астрономия применяется в географии, и это приняло новую форму в России, мы превзошли все аналогичные работы других стран. В масштабах Империи триангуляционный способ не может быть применен, наблюдение за небесными телами сейчас дало значительное количество фиксированных точек, которые будут служить основой для топографических работ. План этих работ составлен для Главной обсерватории с согласия Начальника военного штаба, его превосходительства господина генерала де Берга, благодаря активному участию харьковских и московских астрономов. Господин профессор Шидловский с соизволения Вашего превосходительства в течение двух летних сезонов принимал участие в такого рода наблюдениях и начале работ в восточно-европейской части России.

Речь идет сейчас о том, чтобы собрать различные части и получить результат максимально быстро, чтобы он мог быть использован в работе Императорского военного штаба. Для этой цели очень важно, чтобы все измерения проводились одновременно и точно. Исходя из этих обстоятельств, которые я осмеливаюсь представить вашему превосходительству, господин профессор Шидловский провел несколько недель в обсерватории в Пулково, чтобы я смог с ним обсудить подходящий способ и точность вычислений, касающихся значительной части его наблюдений, – способ, который одновременно будет использоваться для выполнения других частей работы. Пребывание господина Шидловского в Пулково также дало мне возможность попросить у него консультацию по поводу других моих научных работ, для чего я просил этого ученого о сотрудничестве. – *пер. ред.*]

Несмотря на то, что на командировку эту заранее дано было В. Струве согласие министра народного просвещения, о чем было сообщено Кокошкину, последний не разрешил, однако, Шидловскому ехать немедленно в Пулково, а «счел удобным командировать Шидловского с 14 наступающего декабря, дабы в командировку его вошло все зимнее

вакационное время и таким образом наименее было упущено им лекций».

Шидловский воспользовался своей 40-дневной командировкой также и для посещения Вильно и Дерпта для «ученых сношений» и сверх того взял на себя тот неприятный труд, который и до сих пор приходится принимать на себя харьковским астрономам при поездках в города, где имеются хронометренные мастера, – именно отвез в Петербург хронометры для чистки.

Упомянутые в вышеприведенном письме В. Струве научные работы, для которых он желал содействия Шидловского, были работы по окончанию южной части русско-скандинавского градусного измерения. Действительно, вскоре по отъезде Шидловского из Пулкова, В. Струве отправил к Кокошкину длинное и интересное письмо, в котором, объяснив подробно научное значение и практическую пользу градусных измерений, просил разрешить Шидловскому командировку в Измаил, для производства в этом «важнейшем пункте» («point le plus important») астрономических измерений. При этом, во избежание, вероятно, новой задержки Кокошкиным Шидловского до окончания лекций, Струве просил отпустить последнего «au plus tard le 15 Avril». Издержки по этой командировке Шидловского отнесены были, по соглашению Струве с главным штабом, на остатки от сумм, ассигнованных на производство триангуляции Бессарабской области. Так как со стороны министра народного просвещения также дано было разрешение на командировку, то Шидловский отправился около 15 апреля 1849 г. в Измаил, откуда возвратился, выполнив порученные ему наблюдения, согласно присланной В. Струве программе к 1 июля.

В 1851 году Шидловскому предстояла новая весьма интересная экспедиция – наблюдение полного солнечного затмения 16/28 июля. Полное затмение могло быть видимо при этом в весьма значительном числе городов европейской России и Кавказа, а города: Остроленка, Ломжа, Белосток, Брест-Литовск, Житомир, Махновка, Липовец, Умань, Бобрынец, Ениколь, Тифлис, Шемаха находились вблизи центральной линии затмения.

Естественно, что Петербургская академия наук взяла на себя организацию ученых экспедиций для наблюдения этого, имевшего в то время громадное научное значение, явления. В «записке о мерах, предлагаемых императорской академией наук для повсеместного в России, основательного наблюдения полного солнечного затмения, имеющего быть 16 (28) июля сего года», разосланной академией, между прочим, во все русские университеты, намечены были и наблюдатели, «на содействие коих можно с некоторою достоверностью положиться». В числе этих наблюдателей находился и Шидловский, для станции которого был избран город Елисаветград. Поэтому академия, в отношении своем от 6 апреля к харьковскому попечителю Кокошкину, просила последнего «о своевременном командировании господина Шидловского со стороны и на иждивении Харьковского университета в Елисаветграде». Записка академии наук и предписание попечителя были переданы Шидловскому, от которого потребовали «по содержанию предписания доставить в самоскорейшем времени сведение». Без всякого сомнения, Шидловский с особенной охотой согласился принять участие в наблюдениях и поспешил доставить ректору программу своей экспедиции. К сожалению, программа эта, частью вследствие одной недомолвки в ней, незамеченной автором, очевидно, вследствие спешности составления, главным же образом вследствие какого-то совершенно непонятого недоразумения, вызвала со стороны академии вполне несправедливые упреки по адресу Шидловского. Несправедливость этих упреков мы докажем, пользуясь официальными документами с одной стороны и отпечатанными академией «предложениями астрономам для наблюдения полного солнечного затмения 28/16 июля 1851 года» и отчетом О. Струве о наблюдении им этого затмения, с другой.

В своей «Записке о мерах etc.» академия упоминает, что английской комиссией по организации наблюдений затмения, по соглашению с русскими астрономами, составлена программа наблюдений, «которую предполагается напечатать на русском и немецком языках и разослать ко всем наблюдателям. Программа эта, как, несомненно, указывается в предписании попечителя совету университета о командировании Шидловского, ко времени составления последним своей программы, в Харькове получена еще не была. (Судя по той аккуратности, с которой в то время, подшивались к «делам» все, имеющие к ним хотя бы даже отдаленное отношение, документы и печатанные статьи, можно даже полагать, что программа академии не была получена Харьковским университетом даже и впоследствии). Поэтому Шидловскому пришлось составить свою программу лишь на основании тех кратких и общих указаний, которые заключались в записке академии. Шидловский предполагал именно:

1) «Заметить в возможной полноте явление затмения на предназначенном мне (Шидловскому) месте. И как подобное явление, по своему разнообразию и многосторонности, не может быть вполне наблюдаемо мною одним, то я считаю нужным взять с собою трех испытанных наблюдателей, предварительно к тому приготовленных мною из числа студентов, или окончивших курс в Харьковском университете.

2) Чтобы привести наши наблюдения в согласие с наблюдениями господ астрономов, которым предназначено наблюдать близ Елисаветграда в Бобринце и Николаеве, необходимо мне отправиться в Николаев для личных сношений с господами астрономами: Кнорре, имеющим прибыть из Англии астрономом Насметом и его превосходительством штаба Его Императорского Величества генерал-майором Вронченко.

При этой поездке я предполагаю приобрести на время от господина Кнорре некоторые инструменты, находящиеся в Николаевской обсерватории, для пополнения снарядов, принадлежащих Харьковскому университету, и, сверх того, путешествие в Николаев доставит мне возможность с точностью определить географическое положение места моих наблюдений в Елисаветграде».

Для производства как наблюдений затмения, так и определения географического положения Елисаветграда, Шидловский предполагал взять с собою следующие инструменты: рефрактор, кометоискатель, теодолит, пассажный инструмент, 3 хронометра, 2 барометра, 4 термометра и отражательный круг Пистора и, сверх того, те, не названные поименно инструменты, которые Шидловский надеялся получить в Николаеве. Нужно предполагать, что это какие-нибудь актинометрические, фотометрические, поляризационные или прочие приборы, употребление которых желательно при производстве наблюдений затмений. Для издержек путешествия, рассчитанного на 30 дней, кроме прогонов и прочих обыкновенных назначений, Шидловский испрашивал 295 рублей серебром «в безотчетное мое распоряжение, ибо соблюдение форм счетоводства, при подобной экстренной экспедиции, может быть затруднительно для меня (Шидловского) и сделать остановку в ученом труде». Не обозначив точно, на что именно предполагалось употребить упомянутые 295 руб., Шидловский сделал большую, но, конечно, не научную ошибку и создал тем себе различные затруднения и неприятности. Нужно, впрочем, заметить, что уже через несколько дней Шидловский, оставивший в своем рапорте упомянутую неопределенность, вероятно, по простому недосмотру, просил правление о выдаче ему (Шидловскому) из просимой суммы в 295 руб. 150 рублей на исправление и укладку инструментов и «на заказ новых снарядов». Остальные 145 р. предназначались Шидловским, очевидно, на устройство временной обсерватории и разные мелкие и непредвиденные издержки экспедиции.

По исчислению Шидловского и правления вся стоимость экспедиции должна была составить 500 руб. 95 коп. Единственные средства, из которых университет мог выдать эти деньги, были, по-видимому, так называемые экономические суммы университета. Этих сумм, как по справке правления оказалось, находилось в то время налицо до 39 тыс. руб. Такую сумму «для покрытия этого случайного расхода» (экспедиции Шидловского) правление считало «довольно скудной, по соображению предстоящих улучшений университета». Таким образом, важную ученую экспедицию правление, а вместе с ним и Кокоскин, сочли не за «улучшение университета», а за «случайный» расход, от которого легко можно отказаться. Поэтому Кокоскин уведомил академию наук, что он находит «совершенно затруднительным употребить из университетских сумм исчисленные на командировку профессора Шидловского расходы, а поэтому он, господин Шидловский, в таком только случае может быть командирован для наблюдения полного солнечного затмения, если академии угодно будет снабдить его необходимого на этот предмет суммою». На это отношение Кокоскина неприменный секретарь академии прислал весьма резкий по отношению к Шидловскому ответ. Отказывая в приеме расходов по поездке Шидловского на средства академии, неприменный секретарь высказывал, прежде всего, сожаление, «что из всех русских университетов один Харьковский исключает себя от участия в наблюдении столь редкого явления, тем более что кроме Киевского, он ближе всех прочих от тенной полосы и что профессор Шидловский, один из всех русских профессоров, имел уже случай наблюдать, при самых благоприятных обстоятельствах, полное солнечное затмение в 1842 году, а потому более других подготовлен к сему важному поручению». Далее неприменный секретарь говорит, что он находит составленную Шидловским смету издержек экспедиции преувеличенною. «Между прочим», - говорит он, - «трудно угадать, на какие предметы профессор Шидловский предполагает употребить требуемые им 295 руб. в безотчетное

распоряжение». Выше мы, однако, указали, что, по крайней мере, большая половина этой суммы предназначалась на исправление и укладку инструментов, и заказ новых снарядов. Нетрудно было, затем, догадаться, что для наблюдений нужно построить временную обсерваторию или, по крайней мере, сделать столбы для инструментов, как то делали академические экспедиции. Кроме того, как исчисленно было правлением, согласно положению, на содержание и квартиру 3-х студентов на 30 дней полагалось всего 20 руб. 25 коп., что, даже и в то время, при переездах и жизни в гостиницах, было слишком недостаточно. Невозможно, конечно, не зная, на какие именно издержки предназначалась просимая Шидловским сумма в 295 р., с достоверностью судить о том, были ли в расчетах Шидловского какие либо преувеличения. Несомненно, однако, что университетское начальство, раньше, чем отказываться вовсе от экспедиции, могло бы согласиться с Шидловским относительно возможных сокращений предположенных расходов. Так сделал, как мы видели выше, попечитель Долгоруков относительно большой ученой экспедиции университета, причем Шидловский отказался от полагавшихся ему по закону суточных и квартирных денег.

Далее академия считала «поездку в Николаев вовсе излишнею, если только профессор Шидловский примет в руководство составленные академиею, вместе с английской комиссиею, подробные наставления; да сверх того, назначенный в Бобринец профессор С.-Петербургского университета Савич проездом непременно будет в Харькове и, конечно, не оставит условиться с профессором Шидловским насчет предстоящих им наблюдений».

Но, как мы видели и как то хорошо было известно академии, «наставление» не было еще доставлено Шидловскому в то время, когда он составлял проект своей экспедиции. Едва ли также известно было тогда Шидловскому о предстоящем ему свидании с Савичем, так как в «записке» академии, согласно которой Шидловский составлял свой проект, сказано, что пока «отчасти» только известно, кто из астрономов примет участие в наблюдениях, и в примерном распределении наблюдателей по станциям, приведенном в той же записке, означено, что Савич будет наблюдать в Махновке (близ Житомира), а в Бобринце – Вронченко и Насмет. Далее, «наставление» академии было составлено с целью достигнуть возможной полноты наблюдений и однородности результатов. Но наставление это только предполагалось еще напечатать в то время, когда Шидловский был приглашен в участие в наблюдениях. До дня затмения тогда оставалось всего 2,5 месяца, а до срока отъезда Шидловского из Харькова еще меньше. Поэтому и при медленности тогдашних сообщений естественно, что Шидловский, опасаясь не получить во время «наставлений», находил нужным лично посоветоваться с другими астрономами, причем ему удобнее всего было отправиться через Бобринец в Николаев. Таким образом, поездка в эти города, помимо даже других указанных выше целей этой поездки, менее всего могла казаться Шидловскому «излишней» и притом именно на основании доставленных ему академией данных.

Но особенно и решительно непонятно несправедливым представляется то, что, по словам неперменного секретаря, «академия *решительно* (курсив наш) не видит необходимости брать с собою *такое множество инструментов и столько сотрудников, как предполагает профессор Шидловский* (курсив наш). В «наставлении», которое предписывалось Шидловскому «принять в руководство», на стр. 10 (параграф 5-й) читаем:

«Желательно, чтобы в каждом стане находилось 3 или 4 наблюдателя. Один снабжен бы был телескопом 25 кратного увеличения и со значительно большим полем зрения»... Другой бы имел подзорную трубу, увеличивающую во сто раз»; ... «хороший секстант или другой инструмент, основанный на начале двойных изображений, может быть небесполезен бы был в руках наблюдателя». Далее, в числе необходимых и желательных для каждого наблюдателя инструментов указываются: хронометр, 3 термометра, из них один как актинометр; полярископ и фотографические приборы. Мы видим, что Шидловский как нельзя лучше угадал мысли составителей наставления», насколько то было возможно при скудных инструментальных средствах Харьковской обсерватории, исообразно с этим думал обставить свою экспедицию. Он брал с собою трех студентов – наблюдателей. Затем кометоискатель, рефрактор и Писторов круг суть именно те инструменты, какие требовались наставлением. Термометров Шидловский хотел взять четыре, а не три, но вес этих приборов ничтожен, хрупкость же весьма велика, почему запасный термометр был необходим. Далее, всякий астроном взял бы, конечно, с собою в экспедицию два или три хронометра, – вместо, безусловно, необходимого одного, – если они имелись налицо, на случай столь возможного повреждения в дороге этих нежных приборов.

Притом Шидловскому было необходимо иметь с собою возможно большое число

хронометров, так как он предполагал сделать точное определение географического положения Елисаветграда. Для этой же последней цели ему необходимы были: пассажный инструмент, теодолит и барометры. Как видим до «множества инструментов» в списке Шидловского очень далеко. Правда Шидловский предполагал определить положение Екатеринослава, но может ли кто упрекнуть ученого в том, что он желал сделать больше, чем ему прямо поручалось, без всякого притом почти увеличения расходов экспедиции. Заметим при этом, что наблюдения с барометром во время затмения могли представить особенный интерес. Во время солнечного затмения 7/19 августа 1887 года, например, из всех метеорологических наблюдений, наибольший интерес представляют результаты наблюдений над барометрическими изменениями.

Итак, в своих нареканиях на Шидловского секретарь академии шел вразрез с «наставлением» академии, которого в то же, время предписывалось придерживаться. Объяснение такого странного явления можно искать разве только в каком-то случайном личном неудовольствии на Шидловского. Но сделаем еще одно, правда совсем мало вероятное, предположение, что перечисленный выше личный и инструментальный состав экспедиции академия считала только (хотя этого и не высказывала) за *ria desideria*, доступное лишь для каких-то особенно богатых экспедиций, а не для экспедиций академических и университетских. Но из статьи О. Струве: *Beobachtung der totalen Sonnenfinsternis am 28 (16), Juli 1851 in Lomsa*, мы узнаем (стр. 2); что в снаряженной академией экспедиции этого ученого, кроме Струве, участвовали: В. Доллен, Карл Струве, Э. Фусс и к ним присоединился затем Варшавский учитель Александрович. Из инструментов были взяты: рефрактор, кометоискатель, хронометры, инструмент (или инструменты) для определения поправок часов (т. е. по крайней мере секстант или же скорее пассажный инструмент или теодолит), затем метеорологические и фотометрические инструменты и приборы. Таким образом, число сотрудников в экспедиции Струве было больше, а число инструментов для наблюдения затмения, по крайней мере, не меньше, чем предполагал взять с собою Шидловский.

Сопоставленные сейчас на основании документов факты нам кажутся весьма поучительными в том отношении, что они указывают нам, каким совершенно неожиданным неприятностям мог подвергаться русский провинциальный профессор, если он не ограничивался одним только чтением лекций, а производил также и научные работы, по необходимости требующие содействия и поддержки других лиц и учреждений.

Согласно с мнением академии, расходы по экспедиции Шидловского сокращены были до 150 руб. серебром. Поездка в Николаев была отменена, и Шидловский отправился около 1-го июля в Елисаветград без всяких помощников и с меньшим против предположенного прежде количеством инструментов. К 23 июля Шидловский возвратился в Харьков и донес ректору, что «по причине неблагоприятной погоды не мог произвести наблюдений солнечного затмения». Таким образом, и здесь его постигла крайне неприятная неудача.

В 1851 году кончается, по-видимому, период оживленной научной деятельности Шидловского в Харьковском университете. До этого года, кроме «дел» об ученых экспедициях, мы встречаем в документах архива указания на ученые сношения Шидловского с русскими и некоторыми иностранными учеными (Шумахером в Альтоне). Но после 1851 г. мы находим очень мало указаний на ученую деятельность Шидловского. Мы уже высказали раньше предположение, что неудача с постройкой обсерватории охладила рвение Шидловского к астрономическим наблюдениям и вызвала даже некоторую апатию в этом отношении. Неприятности с экспедицией в Елисаветград способствовали, конечно, еще более к тому, что Шидловский до самого перехода своего в Киев летом 1856 года не производил, как кажется, не только научных наблюдений, но даже и практических занятий со студентами. Ученая деятельность Шидловского за рассматриваемый последний период его пребывания в Харькове ограничилась опубликованием в 1853 году первой части «Отчета об астрономическом путешествии, совершенном в 1847 и 1848 годах». Вторая часть этого отчета была напечатана лишь в 1857 году, после перехода Шидловского в Киев.

Апатия Шидловского за последние годы его пребывания в Харькове выразилась, между прочим, в том, что с начала пятидесятых годов он почти перестал пополнять инструментами и приборами астрономический кабинет университета. Пока надежда на постройку обсерватории не исчезла окончательно, Шидловский приобрел для этого кабинета несколько весьма ценных предметов: параллактически установленный (3-х дюймовый) рефрактор Мерца и Малера, Писторов круг, испытатель уровней, барометры,

термометры и прочее. После же 1850 года куплены лишь небольшое число и при том малых инструментов. По воспоминаниям некоторых бывших учеников Шидловского, преподавание им лекций астрономии в рассматриваемый последний период пребывания в Харькове, отличалось небрежностью и лишь по временам они выходили такими блестящими по изложению, какими могли бы быть они всегда у этого талантлившего ученого.

Последние годы службы Шидловского в Харькове омрачались для него также серьезными денежными затруднениями, вызванными значительною задолженностью его родового имения.

В официальных документах нет указаний на причины, побуждавшие Шидловского хлопотать о переходе на службу в Киевский университет. Но с весьма значительною степенью вероятности можно утверждать, что важнейшею, если не единственною причиною перехода было отсутствие обсерватории в Харькове и надежда Шидловского найти обширное поле для применения своих знаний и способностей как наблюдателя на обсерватории Киевского университета, устроенной в 1845 г.

Вероятно, вследствие соответствующего ходатайства Шидловского, он избран был советом Киевского университета и утвержден ординарным профессором этого университета с начала июня месяца 1856 г.

О жизни и деятельности Шидловского в Киеве мы имеем лишь краткие сведения, частью, любезно сообщенные нам бывшим директором Пулковской обсерватории О. В. Струве, частью же заключающиеся в сочинениях Шидловского, напечатанных после 1856 года. Из этих источников мы узнаем, что по отношению к обсерватории Шидловского ждало в Киеве сильное и, по-видимому, неожиданное разочарование. Обсерватория, несмотря на то, что она была окончена постройкой только в 1845 г., оказалась уже «в крайне неудовлетворительном состоянии» и требовала капитального ремонта и перестроек. К сожалению, со стороны правления университета Шидловский не встретил поддержки намерению привести обсерваторию в надлежащий вид и только спустя некоторое время, вновь назначенный попечитель округа Н. И. Пирогов нашел возможным употребить 7000 руб. из сумм университета на приведение обсерватории в порядок.

Однако дело было передано в комиссию, состоявшую, кроме Шидловского, не из специалистов по астрономии, и Шидловскому стоило немалых трудов убедить эту комиссию в том, что астрономическую обсерваторию нужно устраивать на основании научно-астрономических, а не других каких-либо соображений. К счастью, в этом помогли Шидловскому случайно находившиеся тогда в Киеве астрономы Кнорре и Бонсдорф. Деятельное содействие в разработке плана перестроек и в заказе вращающейся башни для рефрактора оказал академик Струве. По-видимому, вследствие личных переговоров с этим знаменитым ученым попечителя Н. И. Пирогова в бытность последнего в Петербурге осенью 1859 г., назначенная на перестройку обсерватории сумма была увеличена до 11000 руб. серебром. Несмотря на достаточность отпущенных таким образом денежных средств, вследствие различных препятствий со стороны ректора и правления университета, перестройка выполнена была не надлежащим образом и затянулась настолько, что установка рефрактора могла быть сделана лишь в конце 1862 года.

Служба Шидловского в Киеве продолжалась до 1868 года. Быть может, только что упомянутые неудовольствия с правлением по поводу перестройки обсерватории побудили Шидловского по окончании 25-летней ученой службы выйти в отставку или были причиною того, что он не был избран к оставлению на службе на следующее пятилетие.

В 1870 году Шидловский был назначен директором женской гимназии в Белой Церкви и оставался в этой должности до 1874 г. Выйдя в 1874 году окончательно в отставку, Шидловский жил последовательно в Дерпте, Выборге и Риге и, наконец, в своем имении Карбатчи (Волинской губернии), близ города Радомысля.

В отставке Шидловский не прекратил вполне своих научных занятий. Находясь в постоянных дружественных сношениях с Пулковской обсерваторией, он предложил этому учреждению свои услуги для редукции Пулковских наблюдений и по поручению директора обсерватории О. Струве производил разные вычисления, в особенности, вычисления приведенных звезд. Сверх того, он занимался также вычислениями орбит двойных звезд. Связь с ученым миром поддерживалась у Шидловского в отставке еще и тем, что он был членом Германского или, правильнее, Международного астрономического общества, с самого основания этого общества в 1863 году. По словам близко знавших Шидловского лиц, в том числе и О. Струве, Шидловский при больших способностях много читал и отличался

серьезной начитанностью.

По сообщению О. В. Струве, Шидловский скончался в 1892 году в своем имении Карабатчах.

О семействе Шидловского мы не имеем почти никаких сведений. Из формулярного списка Шидловского (от 1850 г.) видно, что он был женат, вероятно, с 1845 г. (так как этим годом отмечено сохранившееся в делах университета прошение Шидловского о дозволении вступить в законный брак с дочерью Ревельского купца Ивана Германа, Елисаветой), и имел в 1850 г. трех дочерей и одного сына.

В лице Шидловского Харьковский университет имел профессора с прекрасной теоретической и практической подготовкой, приобретенной притом под руководством одного из наиболее выдающихся ученых текущего столетия – Вильгельма Струве. Некоторые неблагоприятные обстоятельства, и, в особенности, отсутствие обсерватории в Харьковском университете, помешали Шидловскому развить свою научную деятельность в такой мере, какая вполне бы соответствовала его познаниям и природным способностям. Тем не менее, служба Шидловского в Харькове прошла далеко не бесследно, и для нашего университета, и для науки. В течение сравнительно короткого времени Шидловский произвел целый ряд научных экспедиций, и он же, по-видимому, увлек за собой своим примером некоторых из своих товарищей. Свежая струя деятельной, подвижной ученой жизни притекла вместе с Шидловским в физико-математический факультет Харьковского университета.

ГЛАВА IV-я

И. И. Федоренко. Научные труды Федоренко во время пребывания в Пулковской обсерватории. Переход на службу в Киевский и затем в Харьковский университет. Неудачные попытки устроить в Харькове обсерваторию. Постройка астрономической башни. Покупка инструментов. Ученики Федоренко: А. С. Вереврюсов и П. С. Порецкий. Их ученые труды. Выход Федоренко в отставку и последние годы его жизни. Заключение.

Преемником Шидловского на кафедре астрономии в Харьковском университете был воспитанник этого университета и ученик Шидловского Иван Иванович Федоренко.

И. И. Федоренко родился 6-го февраля 1827 года в г. Харькове, к купеческому сословию которого принадлежали его родители. По окончании курса в одной из Харьковских гимназий, Федоренко поступил студентом на физико-математический факультета нашего университета в 1844 г. Здесь он обратил на себя внимание Шидловского и стал с особым прилежанием и успехом заниматься астрономией, Шидловский, как мы видели выше, брал с собою студента Федоренко в качестве помощника во время астрономо-географической экспедиции 1848 года. В статье своей: «Ueber die geographische Lage etc». Шидловский называет Федоренко своим ревностным учеником и действительно, важнейшие наблюдения, послужившие для определения широты временной обсерватории, были сделаны Федоренко в 1849 г.

Но производством подобных же наблюдений Федоренко занимался и раньше, так как представленная им в 1848 г., после прекрасно выдержанного экзамена, кандидатская диссертация носила заглавие: «Определение географической широты Харьковской обсерватории, из наблюдений».

Конечно, по рекомендации Шидловского, Федоренко был принят в 1850 г. в число сверхштатных астрономов Пулковской обсерватории. Здесь выдающиеся способности Федоренко к вычислениям были замечены директором обсерватории В. Струве, который и предложил Федоренко произвести вычисление средних положений околополярных звезд из наблюдений Жерома Лаланда. Результаты этих вычислений Федоренко изложил в сочинении: «Positions moyennes – pour l'époque de 1790,0 des étoiles circompolaires etc. (St.-Petersbourg, 1854). Труд этот сразу доставил Федоренко обширную известность. На всякой обсерватории и у всякого астронома, занимающегося звездной астрономией, каталог Федоренко составляет столь же необходимую справочную книгу, как каталог Британского астрономического общества.

В Пулково Федоренко пробыл до конца 1853 года, когда он назначен был исполняющим дела адъюнкта в Киевском университете. Через три года, по защите магистерской диссертации в Петербургском университете, Федоренко был утвержден в

должности адъюнкта, и в августе 1857 года перемещен на должность адъюнкта же в Харьковский университет. Здесь последовательно он был, затем, утвержден исполняющим дела экстраординарного профессора (в 1862 г.), экстраординарным (1866 г.) и ординарным профессором (1866 г.).

Подобно всем своим предшественникам Федоренко делал попытки получить средства на устройство постоянной обсерватории при Харьковском университете. Однако надежда на успех этих попыток, по-видимому, была весьма слаба, потому что в прошении своем о командировании за границу (от 1860 г.), Федоренко говорит, между прочим: «Не надеясь на скорую постройку полной обсерватории, я думаю, по крайней мере, положить ее основание: поставить наш стенной круг, которым хотя и нельзя наблюдать с полною легкостью, как новейшими меридиональными инструментами, во всяком случае, он может дать результаты, достаточные для приложения их к теории». Таким образом, Федоренко предполагал, на первое время, ограничиться установкой такого инструмента, который уже за 12 лет перед тем, как Шидловским, так и попечителем Кокошкиным был признан устаревшим.

Но даже на устройство такой, более чем скромной, обсерватории не предвиделось в будущем необходимых денежных средств. В отдельном мнении своем по поводу вышеупомянутого прошения Федоренко, проф. Соколов говорит, что постройки помещения для стенного круга, «судя по денежным средствам университета, едва ли можно ожидать, в скором времени, так что, быть может, господин Федоренко прежде кончит свою службу при университете, чем сбудется предположение об устройстве в Харькове обсерватории».

В делах архива не сохранилось указаний на то, хлопотал ли впоследствии Федоренко об устройстве обсерватории, соответствующей достоинству университета, как ученого и учебного учреждения. Несомненно, однако, что к 1868 г. он (Федоренко) потерял на это всякие надежды, так как в этом году им устроена была, на специальные средства университета, так называемая астрономическая башня, «с целью практических упражнений студентов». Постройка этой башни была вызвана непосредственными нуждами преподавания. Башня помещалась в юго-западном углу университетского двора и примыкала к зданиям университета. Таким образом, по странной случайности, Федоренко избрал для своей башни место, с полным правом признанное, как мы видели выше, Шидловским за совершенно непригодное для астрономической обсерватории. Башня, впрочем, была устроена прекрасно и вращение ее совершалось с большою легкостью. Для помещения инструментов посредине башни был устроен кирпичный столб и, сверх того, к стене башни был прикреплен очень массивный чугунный штатив для наблюдений с инструментами небольших размеров.

Удовлетворяя до некоторой степени потребностям элементарного преподавания практической астрономии, башня эта, несмотря на все достоинства постройки, с каждым годом вследствие увеличивающегося движения по прилегающим городским улицам становилась все менее и менее годной для производства в ней наблюдений научных. Конечно, сам Федоренко хорошо сознавал неудобство положения башни и, вероятно, поэтому не называл ее обсерваторией, и лишь астрономической башней.

Потерпев неудачу с устройством обсерватории, Федоренко успел, однако, приобрести для Харьковского университета несколько весьма полезных астрономических инструментов. Так им куплены: вертикальный круг Репсольда, 2-е маятниковых часов Tiede и Knoblich'a, 6-ти дюймовый рефрактор и спектроскоп со стеклами Мерца, и несколько других инструментов и приборов.

Как ученик Шидловского, а затем пулковских астрономов Федоренко владел методами астрономических наблюдений и умел привлечь своих слушателей к занятиям практической астрономией. Некоторые из этих учеников продолжали затем специальные занятия астрономией по окончании университетского курса. В 1868 году кандидат Александр Веребрюсов, получивший перед тем за сочинение на заданную факультетом тему: «Задача Кеплера» золотую медаль, был оставлен стипендиатом для приготовления к профессорскому званию по предмету астрономии. Как стипендиат Веребрюсов занимался, по-видимому, преимущественно небесной механикой и уже в начале 1870 года заявил о желании своем читать необязательный курс этого предмета в качестве приват-доцента. Как диссертацию *pro venia legendi* Веребрюсов представил упомянутую выше статью свою «Задача Кеплера», которая была напечатана в 1869 году. К чтению лекций Веребрюсов допущен был попечителем в конце 1870 года (ходатайство Веребрюсова о разрешении ему

читать лекции подало, по-видимому, повод к неудовольствию между ним и Федоренко. Последний считал статью Веребрюсова недостаточной для получения прав приват-доцента. Но факультет и совет с мнением Федоренко не согласились. Пробы на лекции Веребрюсова были признаны удовлетворительными всеми присутствовавшими членами факультета, за исключением лишь проф. Федоренко). Но уже в феврале 1871 года Веребрюсов прекратил чтение лекций, так как предполагал искать себе место младшего помощника Варшавской астрономической обсерватории, которое и было ему предоставлено в следующем месяце. О дальнейшей деятельности Веребрюсова достаточных сведений собрать нам не удалось. Поэтому мы ограничимся здесь лишь приведением списка ученых трудов Веребрюсова, не ручаясь, впрочем, за полноту этого списка.

1. Задача Кеплера. Харьков 1869 г.

2. Введение в сферическую астрономию. Харьков 1871 г.

3. Вековые возмущения большой полуоси третьего порядка относительно масс. Напечатано академией наук. Спб., 1881 г.

4. Прямолинейная тригонометрия. Харьков, 1884 г.

5. Новый способ извлечения корней и решения уравнений всех степеней, 2-е изд. Харьков, 1884 г.

6. Элементарная геометрия и приложение алгебры к геометрии. Харьков, 1887 г.

7. О прочности солнечной системы. Харьков, 1888 г.

8. Nouvelle méthode de déterminer les orbites des planetes et des comètes. Kharkow, 1888 г.

9. Элементарная алгебра. Харьков, 1889 г.

Другой ученик Федоренко, Платон Сергеевич Порецкий, гораздо дольше Веребрюсова оставался при Харьковском университете, и был несколько лет, если не по названию, то в действительности, астрономом-наблюдателем маленькой Харьковской обсерватории.

П. С. Порецкий, сын врача, родился 3 октября 1846 г. в городе Елисаветграде и получил первоначальное образование в Лохвицком уездном училище, а затем в Полтавской гимназии. По окончании курса в последней, Порецкий поступил на юридический факультет Харьковского университета в 1864 г. Пробы на этом факультете два года (1-й и 2-й курсы), Порецкий перешел на физико-математический факультет того же университета и в 1870 г. окончил курс со степенью кандидата. Еще будучи студентом, Порецкий усердно занимался астрономией и был по окончании курса, оставлен при университете стипендиатом по этому предмету. В первый же год получения стипендии (в 1871 г.) Порецкий произвел ряд наблюдений для определения широты астрономической башни Харьковского университета. К сожалению, тогда же оказалось, что напряжение физических сил, необходимое при производстве астрономических наблюдений, – по большей части ночных и в нашем далеко не всегда мягком климате, – вредно отзывается на слабом здоровье Порецкого. Поэтому он в конце того же 1871 года, отказался от стипендии и решил поступить на службу по министерству юстиции. В короткое время здоровье Порецкого, однако, немного поправилось, любовь к начатым занятиям проснулась с новой силой, и уже в январе следующего 1872 г. факультет согласно заявлению Порецкого и по представлению Федоренко, снова охотно принял Порецкого в число своих стипендиатов. Прерванные наблюдения также были вскоре продолжены Порецким. Результаты этих наблюдений были, затем, опубликованы Порецким в 1873 г. в статье: «Определение географической широты астрономической башни Харьковского университета», в одинаковой мере свидетельствующей о способностях автора как наблюдателя и о его неутомимости, несмотря на слабость здоровья.

В первой половине 1873 года Порецкий с успехом окончил экзамен на степень магистра астрономии и геодезии. В следующем (1874 г.) предстояло чрезвычайно важное для астрономии явление, именно прохождение Венеры перед диском Солнца. Пулковская обсерватория взяла на себя все необходимые приготовления к тому, чтобы наблюдатели довольно многочисленных экспедиций, снаряженных различными учреждениями, наблюдали прохождение возможно надежно. Наблюдателем отправляемой Харьковским университетом экспедиции был назначен Порецкий, который, как и большинство наблюдателей других экспедиций, отправлен был предварительно в Пулковскую обсерваторию, чтобы там вместе с другими тщательно подготовиться к предстоящим наблюдениям. Пробы в Пулкове с марта по октябрь, Порецкий отправился затем в назначенную для него станцию в городе Астрахань. К несчастью, вследствие неблагоприятной погоды, наблюдать прохождение Порецкому не удалось.

По возвращении в Харьков Порецкий вынужден был искать себе места в каком-нибудь

университете. Так как по штату Харьковского университета полагается только один профессор астрономии и должности наблюдателя вовсе не имеется, то Порецкий выразил желание занять должность астронома-наблюдателя в Киевском университете и был избран на эту должность советом университета в конце 1875 года. Однако по независящим от него обстоятельствам, Порецкий в Киев поехать не мог и в следующем же 1876 г. был избран советом Казанского университета и утвержден в должности астронома-наблюдателя при Казанской обсерватории. В этой должности Порецкий оставался до выхода своего в отставку по болезни 31 января 1889 года. Несмотря на почти постоянное болезненное состояние, ученая деятельность Порецкого в Казани была весьма плодотворной. О ревностных трудах его, как астронома-наблюдателя, свидетельствуют результаты его наблюдений, помещенные в «Observations des étoiles de la zone entre 75° et 80° de déclinaison boréale, exécutées à l'observatoire de Kasan (1885 г.), равно также многие статьи в Astronomische Nachr., и поездка и Вятку в 1887 году для наблюдения солнечного затмения. Значительная часть вычислений наблюдений Казанской зоны была выполнена также Порецким. Кроме того, Порецкий напечатал несколько статей и отдельных сочинений (из которых одно составило его диссертацию на степень доктора астрономии и геодезии) по различным вопросам астрономии, преимущественно математического характера. В то же время, Порецкий с особой охотой занимался чистой математикой и опубликовал ряд сочинений и статей по этому предмету. С особенной любовью занимался он вопросами математической логики и излагал в Казанском университете в качестве приват-доцента эту новую отрасль знаний. Труды Порецкого по математической логике пользуются заслуженной известностью между специалистами.

К несчастью, совершенно расстроенное здоровье принудило Порецкого слишком рано прервать свою службу по учебному ведомству. Как упомянуто выше, в 1889 году Порецкий вышел в отставку, не дослужив нескольких лет даже до 25-летия. По ходатайству Казанского университета Порецкому, тем не менее, была назначена полная пенсия. В настоящее время П. С. Порецкий живет в Городнянском уезде Черниговской губернии, в селе Жоведь.

Помещаем здесь список печатанных трудов Порецкого:

-   Определение географической широты астрономической башни Харьковского университета из 532 наблюдений. Харьков, 1873.
-   Beobachtungen des Cometen Coggia 1874 г. (Astr. Nachr., 1881 г., № 2393).
-   Основания математической логики. Казань, 1881 г.
-   Таблицы значений логарифмов вспомогательных чисел Бесселя. Казань, 1883 г. (издано без указания фамилии составителя).
-   О способах решения логических равенств и об обратном способе математической логики. Казань, 1884 г.
-   Наблюдения накрытий звезд Луною во время полного затмения ее 1884 г. (помещены в изданном Пулковской обсерваторией своде всех таких наблюдений).
-   К вопросу и решению некоторых нормальных систем встречающихся в практической астрономии. Казань, 1886 г.
-   О связи между днями года и днями недели. Казань, 1886 г.
-   Решение общей задачи теории вероятностей при помощи математической логики. Казань, 1887 г.
- 10. Исторический очерк развития сферической тригонометрии. (Вступительная лекция). Казань, 1887 г.
-   Mars-Opposition 1886 (Astr. Nachr., № 2772).
-   Mars-Opposition 1887 (Astr. Nachr., № 2776).
-   Mars-Opposition 1879 (Astr. Nachr., № 2784).
-   Beobachtungen des Kometen 1881 III. (Astr. Nachr., 1887 №2792).
-   К ученью о простых числах. Казань, 1888 г.
-   Отчет об экспедиции в Вятку. 1888 г.
-   По поводу сообщения П. В. Преображенского: «Особого вида тригонометрические ряды». Казань, 1888 г.
-   По поводу сочинения г. Цераского. «Астрономический фотометр». Казань, 1888 г.

Из перечисленных сочинений П. С. Порецкого № № 3, 5, 7, 8, 9, 10, 15, 16, 17, 18 и 19 помещены в Собрании протоколов Казанской физико-математической секции. Сверх перечисленных трудов Порецкий напечатал в различных изданиях ряд популярно-научных статей. Некоторые астрономические и геодезические наблюдения и измерения, сделанные Порецким, к сожалению, им до сих пор еще не опубликованы.

С отъездом Порецкого из Харькова, Федоренко, насколько нам известно, не имел уже более тех временных сотрудников, какими бывают обыкновенно на наших университетских обсерваториях стипендиаты по предмету астрономии. Из работ, произведенных Федоренко на своей обсерватории, нам известно только исследование одного способа определения высоты полюса и приложение его к определению широты астрономической башни, опубликованное в 1879 г. в статье: «Способ околосредних высот etc».

В самом конце 1878 года, по окончании 25-ти-летней службы, Федоренко вышел в отставку, но, по желанию и ходатайству университета, продолжил чтение лекций по астрономии до конца 1878 – 79 академического года.

По выходу в отставку Федоренко жил, по большей части, в Харькове, где и скончался в 1888 году, после кратковременной болезни.

И. И. Федоренко, кроме некоторых статей в *Astron. Nachr.*, о которых нам не удалось навести справку, опубликовал следующие свои ученые труды:

1) *Position moyennes pour l'epoque de 1790,0 des étoiles circompolaires, dont les observations ont été publiées par Jérôme Lalande dans les mémoires de l'academie de Paris de 1789 et 1790. St.-Petersbourg 1854.*

2) *Über die Doppelsterne Str. 1263 u 1516. Bull. de l'Acad. de St.-Petersb. 1850.*

3) *Ueber die eigene Bewegung der Fixsterne. Astr. Nachr., №№ 1062, 1135 (1857 г.).*

4) *Разыскание средних собственных действительных и параллактических движений звезд. С.-Петербург, 1865.*

5) *Способ околосредних и равных высот звезд по обе стороны от зенита и приложение его к нахождению высоты полюса на астрономической башне Харьковского университета. Харьков, 1879.*

6) *Звездная карта северного полушария. (Звезды, видимые простым глазом).*

Припоминая сказанное нами в предыдущем и настоящем очерках о деятельности харьковских астрономов, мы замечаем, что условия как для научных астрономических работ, так и для практических занятий со студентами, были в Харьковском университете несравненно менее благоприятны, чем в других университетах Империи. Постоянной обсерватории, столь же необходимой для астронома, как лаборатория для химика, в Харьковском университете за весь рассмотренный период устроено не было, несмотря на то, что многие из харьковских профессоров астрономов потратили не мало труда и времени на ходатайства об устройстве обсерватории и на выработку проектов и планов этого учреждения. Неотложные нужды преподавания заставляли устраивать в Харькове временные небольшие, учебные, так сказать, обсерватории, существовавшие, обыкновенно, лишь сравнительно недолго. Нельзя поэтому поставить харьковским астрономам в вину того обстоятельства, что в Харькове не было сделано работ, подобных тем, какие доставили почетную известность обсерваториям в Юрьеве (Дерпте), Москве, Казани и т. д. Тем не менее, как мы видели, деятельность харьковских астрономов протекла не бесследно для науки. Мы видели также, что эта полезная научная деятельность развилась и поддерживалась сношениями харьковских астрономов с Пулковской обсерваторией. И нужно, конечно, пожелать, чтобы это центральное в России астрономическое учреждение всегда оказывало благотворное влияние на деятельность университетских обсерваторий.

Дополнение к статье: Астрономы и астрономические обсерватории Харьковского университета от 1808 по 1842 год.

Проф. Л. О. Струве в Юрьеве сообщил мне нижеследующие сведения о проф. Гуте, которые помещаем здесь в дополнение к нашему предыдущему очерку.

«27 сентября 1809 г. совет Дерптского университета единогласно избрал Гута профессором чистой и прикладной математики. Гут сейчас же изъявил готовность переселиться в

Дерпт, но попечители Харьковского и Дерптского учебных округов не желали утверждать Гута в новой должности, так как он слишком короткое время был профессором в Харькове. Наконец, 17 февраля 1811 г. министр народного просвещения утвердил Гута в должности профессора математики в Дерпте, куда Гут приехал 7-го августа того же года».